



Олег СИНИЦЫН  
**Битва за смерть**

«Автор»

2005

## **Синицын О. Г.**

Битва за смерть / О. Г. Синицын — «Автор», 2005

Февраль 1942 года. Москва занята фашистами и разрушена до основания. Обломки кремлевских башен, Мавзолея, храмов и дворцов сброшены в Москву-реку. Однако сопротивление захватчикам продолжается. Рота красноармейцев под командованием лейтенанта Калинина получает приказ захватить высоту Черноскальная. Выполняя приказ, бойцы попадают в лес, не отмеченный на картах, и погружаются в языческий ужас. Зверь просыпается в человеке, в сугробах таятся монстры, мертвые возвращаются, а на небо восходит черная луна. Всё это лишь этапы извечной битвы между древними славянскими богами, Светлобогом и Чернобогом, ставка в которой – изменение хода человеческой истории...

© Синицын О. Г., 2005

© Автор, 2005

# Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	35
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

# Олег Сеницын

## Битва за смерть

*«Битва под Москвой была поворотным пунктом войны, начиная с этого момента победа для нас была уже недостижима».*  
*Генерал В. фон Меллентин*

### Часть первая

#### Глава 1

– Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться...

Командир роты оторвался от окуляров бинокля и увидел перед собой молодого незнакомого лейтенанта. Всё было понятно с первого взгляда. Опущенные уши у шапки на слабом десятиградусном морозе, испуганные глаза и дрожащие от волнения губы. Щенок еще...

Боровой снова посмотрел на расположенный вдали холм.

– Ты не в царской армии, – произнес он. – Не загибай пальцы и ладонью не верти, когда отдаешь честь.

Лейтенант испуганно попытался исправиться, но получилось еще хуже.

– Я к вам...

– Я понял. Ох, не вовремя ты!

– Меня направили, чтобы принять командование взводом!

– Да опусти ты руку! – с досадой ответил ротный, снова повернувшись к лейтенанту. –

Давно окончил курсы?

– Три дня назад!

– Сколько учился?

– Две недели!

Боровой усмехнулся. Это было некрасиво, но он ничего не мог с собой поделать. Разве можно подготовить настоящего офицера за две недели! Только на изучение основ боя и тактики требуется не меньше трех месяцев. А есть вещи, которым невозможно обучить, которые приходят только с опытом...

– Извини, – сказал Боровой. – Сколько тебе лет?

– Девятнадцать, но скоро исполнится двадцать.

– Что ж... – Ротный повернулся и наткнулся на колючий взгляд старшины, который, судя по всему, был того же мнения о лейтенанте, что и Боровой. – Примешь первый взвод.

Взгляд молодого лейтенанта просветлел.

– А где они сидят? То есть я хотел спросить...

– Первый взвод занимает западный рубеж обороны. А найдешь их сам, понял? Это твое первое задание. – Боровой снова стал внимательно рассматривать в бинокль нетронутые сугробы противоположного холма.

Лейтенант растерялся:

– Я ведь здесь чужой. Как же я их найду?

– Найдешь-найдешь! – не отрываясь от бинокля, произнес Боровой.

Он вдруг настороженно поднял голову, словно услышал что-то.

– Всё! – рявкнул ротный. – У тебя минута-полторы, чтобы найти свой взвод. Не справишься – отдам под трибунал за неисполнение приказа. Бего-о-ом!..

Ошеломленный лейтенант бросился вон, но споткнулся и упал. Он спешно поднялся, сапоги скользили по снегу, руки в домашних вязаных перчатках пытались ухватиться за обледенелые стенки окопа.

– Что думаешь, Семен Владимирович? – спросил Боровой, когда молодой лейтенант скрылся за бруствером.

– Может и не дожить до трибунала, – мрачно ответил старшина. Голос у него был с хрипотцой, словно от долгого курения.

– Если не справится с простым заданием – мне такой командир не нужен. Как думаешь, есть в нем характер?

– Щенок безвольный.

– Не надо таких выражений, Семен Владимирович.

– Ты спросил, я ответил.

Боровой в который раз посмотрел на холм, недовольно покачал головой, затем поверх ушанки натянул каску, туго стянув ремешок на подбородке. Старшина смотрел в ту же сторону, но как-то безучастно. Его, казалось, совсем не волновало, что там за холмом. Ушанка с красной звездой была надвинута почти на самые брови. Он не стал надевать каску, будто смерть ему была нипочем.

– До сих пор не можешь оправиться? – осторожно спросил Боровой.

– Не придумано еще таких лекарств, – ответил старшина, выдохнув со словами облачко пара.

– Каску надень, – приказал ротный и ощутил на себе безразличный взгляд старшины.

– Ты и меня прикажешь под трибунал за неисполнение приказа?

– Брось, Семен. Ты мне мертвый не нужен. Всё и так плохо, да тебе еще шальной осколок голову продырявит! С кем мне воевать? С этим лейтенантом сопливым?

Из-за холма прорезался низкий, раскатистый гул. Казавшийся далеким, он неотвратимо приближался...

Мама милая! За что же? Как же так?

Лейтенант Алексей Калинин, спотыкаясь, бежал вдоль окопов. Он перепрыгивал через сугробы, огибал молодые березки, иногда падал, поднимался и бежал опять.

Одна минута! Одна минута!

Его этому не учили. Никогда не учили! Более того, до этого момента с ним никто не разговаривал так жестко. Ни за время школьной учебы, ни за те два года, которые он провел в МГУ...

Мама милая! Почему только одна минута? Всего одна, чтобы найти взвод и принять командование. Красноармейцы совсем не знают его! А что, если они не будут разговаривать с ним или, еще хуже, будут кричать на него? Он никогда не знакомился так с людьми. Кто-то должен представить его взводу, это обязательно! Этого требуют элементарные нормы поведения.

Калинин споткнулся о корень и свалился в траншею к одному из красноармейцев.

– Ты что? Ошалел, чума?!

– Простите меня, – выбираясь из окопа, бормотал Алексей. – Искренне прошу, простите! Мне нужен первый взвод...

Он не успел дождаться ответа, поскольку не удержал равновесие и кубарем скатился с горки.

Лейтенант замер, сидя на снегу. Сколько прошло времени? Минута? Он не знал. Впрочем, ротный сказал, что, возможно, у него чуть больше времени.

...Калинин внезапно услышал звук, который еще минуту назад почуял ротный Боровой. Из-за холма, располагавшегося метрах в ста перед линией обороны, донесся низкий басовитый

гул. Словно раскаты грома душным летним вечером. Только это был не гром. Да и на дворе стоял далеко не июнь, а февраль 1942 года.

Калинин тревожно глянул на холм, словно надеялся, что тот внезапно станет прозрачным и откроет взору источник досаждающего гула. Голова вспотела, пока он бежал вдоль окопов, и Алексей поднял уши шапки на «рыбьем меху», чтобы завязать их на макушке, но так и забыл это сделать. Из-за холма, словно черная воронья стая, выплыло десятка два немецких бомбардировщиков.

Вид вражеских самолетов на ясном зимнем небе настолько удивил молодого лейтенанта, что он даже привстал. Шум двигателей усиливался, заполняя теперь всё пространство горизонта. Алексей, приоткрыв рот, пытался разглядеть крылья и кресты на них.

– Эй, хлопец! – раздался снизу остерегающий шик. – Быстро сигай в окоп! Снесет башку – опомниться не успеешь!

Калинин прыгнул в квадратную земляную ячейку, откуда донесся окрик. Украинец с хитроватым лицом озорно подмигнул молодому лейтенанту и сказал:

– Негоже в полный рост бомбы встречать. Немец прорывать нашу оборону собрался. Тут не до храбрости. Ее можно и по-иному показать. Сейчас лучше приляг на дно да закрой голову руками. А храбрость проявишь потом, как-нибудь в другой раз.

– Меня зовут Алексей Калинин. Подскажите, где найти первый взвод?

Красноармеец расплылся в улыбке, брови разошлись.

– Да ты чего, хлопец! Какой первый взвод! Лежи тут и не высовывайся. Щас такое начнется!

– Мне нужно скорее в первый взвод. Старший лейтенант Боровой приказал найти его за минуту.

– Брось, генералиссимус! Боровой приказал поторопиться, чтобы ты от бомб успел спрятаться. Ничего больше он не имел в виду.

– Если я не найду взвод, он отдаст меня под трибунал.

– Полно тебе... – Украинец не успел закончить фразу, поскольку Калинин выпрыгнул из окопа, отпихнув солдата, хватавшего его за сапог.

Гул летящих машин накрыл заснеженные холмы. Отбежав от окопа на несколько метров, Алексей замер, различив в установившемся окружающем шуме новый звук, визжащий и надрывный.

Земля под ногами вздрогнула. Справа, метрах в пятидесяти, поднялся столб черной земли, а следом по барабанным перепонкам ударил грохот взрыва.

Воздух наполнился истеричным визгом. Калинин задрал голову и с детским удивлением смотрел на огромные низколетающие самолеты, думая о том, что, наверное, следует упасть на землю, как советовал украинец.

Но сделать этого не успел.

Ниспадающий визг обернулся взрывом. Горячая волна отбросила лейтенанта. Он перевернулся в воздухе и упал навзничь. В ноздри ударил едкий металлический запах гари. Прогремел еще один взрыв. Землю тряхнуло, перекинув Калинина на живот.

Воздух, отравленный сгоревшей взрывчаткой, проник в легкие. Алексей лежал на животе и надрывно кашлял, уже не различая пауз в грохоте десятков других взрывов со всех сторон. Бомбардировщики не жалели бомб, густо посылая пехотную линию обороны и расположенные чуть в глубине артиллерийские расчеты.

Земля содрогалась так неистово, будто ее тряс подземный бог, который за что-то разгневался на людей. Сверху на шинель сыпались комья торфа и мелкие камни. Пронзительный свист и оглушительный грохот наполнили окрестности деревни Ельцово, сделавшись на время ее неотъемлемой частью. Алексей втянул голову и накрыл ее руками, мучительно переживая, что за минуту – и даже за две! – найти взвод никак не успеет.

Грохот оборвался внезапно. Наступившая следом тишина принесла облегчение, но казалась неестественной. Оглушенный Калинин поднял голову. Комья земли скатились с плеч. Незавязанные уши шапки упали в разные стороны, словно у дворняги. Бомбардировщики уходили, но радости Алексей не испытывал. Он видел, как от дальнего холма беззвучно неслись немецкие танки.

Снежная гладь холмистой окраины деревни Ельцово была исковеркана воронками. Снег почернел, отчасти опаленный, отчасти густо усыпанный землей и торфом. Окопы в некоторых местах были разрушены и казались покинутыми, но Калинин видел в них шевеление. Красноармейцы оправлялись от бомбардировки; сбрасывая землю, поднимались из траншей и занимали боевые позиции.

Он тряхнул головой, и слух вернулся.

Лязг и рокот железных машин ворвались в голову, и Калинин всей душой пожалел, что не остался глухим. Он ощутил цепенящий ужас при виде летящих на наши позиции немецких танков. Темно-серые, выделяющиеся на фоне божественной белизны холма, они походили на стаю волков. Первые из них спустились со склона и, преодолев ложбину, начали подъем.

Сзади раздались редкие выстрелы уцелевших артиллерийских орудий. Между танками поднялись клубы дыма от взрывов. Снег вперемешку с землей вздыбился к небу. Некоторые красноармейцы в панике открыли огонь по смотровым щелям, но пули лишь отскакивали от брони.

Очередной выстрел артиллерийской батареи оказался удачным. Один из танков на противоположном склоне задымился и вспыхнул. Но этот успех был каплей в море.

Из башенных орудий танки открыли ответный огонь, судорожно застрочили корпусные пулеметы. Тяжелые свинцовые очереди рвали воздух, несколько пуль врезались в землю неподалеку от лейтенанта. Испуганный Калинин шарахнулся в сторону и упал в полуразрушенный окоп.

– Патрон! – неистово кричал крепкий бронбойщик без шапки, прильнув к прицелу ружья.

Второй номер, молодой солдат с глазами навывкате, уставился на Калинина. Он был всего на год или два старше новоиспеченного лейтенанта.

– Патрон, твою душу! – снова рывкнул стрелок, и молодой красноармеец, спохватившись, втокнул бронбойный патрон в казенник. Стрелок недовольно лязгнул затвором и надавил на спусковой крючок. Он метил в танк, карабкающийся прямо на них, но что-то не задалось. Пуля не пробила броню или прошла мимо. Неповрежденный танк продолжал неумолимо взбираться по склону.

– Меня зовут Алексей Калинин, – промямлил лейтенант молодому красноармейцу. – Я ищу первый взвод...

Ползущий на них танк выстрелил. Помощник бронбойщика начал что-то говорить, но рядом рванул снаряд, и грохот взрыва заглушил слова. Алексей только видел, как шевелятся губы молодого красноармейца.

– Что? – переспросил Калинин.

– Я говорю...

– Патрон давай! – истерично закричал бронбойщик.

Алексей отпрянул. Второй номер спешно зарядил противотанковое ружье. Бронбойщик матюгнулся на них так, что у Калинина покраснели уши, после чего со злостью дернул за спусковой крючок. В этот раз попадание было очевидным, но совершенно бесплодным. Пуля лишь разворотила лист брони, прикрывающий правый трак, не причинив танку особого вреда и даже не замедлив его движения.

Стрелок обернулся. Лицо его пылало яростью. Глаза горели. Даже редкие волосы на голове встали дыбом.

– Ты что, мать твою, тут шляешься! Тут тебе, китайский хлебороб, не улица с магазинами!

– Мне нужен первый взвод! – только и смог вымолвить Калинин. Но бронбойщик уже его не слушал, обратив разъяренное лицо к своему второму номеру.

– Не хлопай челюстью! Убью! – раздалось в адрес молодого красноармейца. – Заряжай!

В третий раз лязгнул затвор противотанкового ружья. Алексей выглянул из окопа и ужаснулся, насколько близко к позициям подобрался немецкий танк. На его темно-сером корпусе замерцал огонек, 7,92-миллиметровые пули ударили по брустверу. Алексей пригнул голову. Молодой пучеглазый красноармеец нырнул следом. Один лишь бесстрашный бронбойщик, сощурился левый глаз и оскалившись, тщательно целился.

Алексей и молодой красноармеец оказались так близко друг к другу, что их лица почти соприкасались.

– Где первый взвод? – страдальчески произнес Калинин, раскачивая незавязанными ушами на шапке.

Тяжело дыша, солдат испуганно смотрел на него. Выстрел из противотанкового ружья, похожий на многократно усиленный удар бильярдного кия, заставил вздрогнуть обоих. Вслед за этим раздался взрыв, и в адрес подбитого немецкого танка понеслась длинная тирада бронбойщика.

Алексей ощутил внезапную радость. Он взглянул на красноармейца и увидел робкую улыбку на его лице. Они подняли головы. Свернутая набок башня танка полыхала, испуская черный масляный дым. Подбитый танк медленно скатывался обратно в ложбину между холмами.

– Вот тебе, жестянка помойная! – выкрикнул вслед ему бронбойщик.

– Я скажу, где первый взвод, – с улыбкой произнес молодой красноармеец, но сказать ничего не успел. Где-то коротко стукнул пулемет. Взвизгнувшая пуля ударила красноармейца в спину и бросила его на руки Калинин. Стекленеющий взгляд скользнул по лицу Алексея и замер. Из приоткрытых губ на подбородок сползла струйка крови.

Лейтенант в ужасе отдернул руки. Никогда еще он не видел смерть так близко.

Тело красноармейца повалилось на дно окопа.

Справа поднимался новый танк, из пулемета которого и был застрелен молодой солдат, всего на год или два старше Алексея. Калинин перевел беспомощный взгляд с танка на лицо убитого красноармейца. Казалось, что застывшие глаза всё еще смотрят на лейтенанта. В них не было мольбы о помощи, боли и страдания. Они просто смотрели, словно погибший даже после смерти следил за ним.

Наблюдал...

– Патро-он!! – страшно закричал бронбойщик, вырвав Алексея из плена мертвых очей.

– Мне нужно найти первый взвод, – оправдываясь, произнес Калинин и стал пятиться, пока не уткнулся спиной в стенку окопа.

Немецкий танк поднялся к соседним позициям, на которых засел пулеметный расчет. «Панцер» был совсем близко, всего в десяти метрах. Очереди из «максима» били по броне, но в смотровую щель не попадали.

Прильнувший к прицелу бронбойщик держал этот танк на мушке и разъяренно кричал:

– Заряжай! Убью, мышь трусливая! Заряжай...

Алексей выскочил из окопа. Бронбойщик продолжал кричать, и Калинин понял, что тот до сих пор не знает о гибели помощника. На какое-то мгновение Алексей подумал, что следует остаться и помочь бойцу.

«А как же приказ Борового? – спросил он себя. – Ротный приказал найти первый взвод. А приказа быть вторым номером бронбойщика никто не давал. Я же лейтенант! Это не моя обязанность».

Суровый броневойщик по-прежнему ничего не видел вокруг, кроме немецкого танка. Не отрываясь от прицела, он сам нащупал патрон и загнал его в казенник. Лицо солдата блестело от пота, от непокрытой головы поднимался пар.

Танк почти вскарабкался на позиции, темное днище выросло над окопом. Откуда-то справа в него полетела граната, но замах оказался слабым, и она бессмысленно разорвалась рядом, осколки звякнули по броне. Ответом была длинная очередь. Послышались вскрики солдат, угодивших под пули.

Калинин со страхом смотрел на огромную машину. На ее борту белели четыре уголка с черным ободом, образуя крест. Через пару мгновений тремя десятками тонн танк обрушится на ров с пулеметным расчетом.

...Рядом прогремел выстрел. Алексей даже вздрогнул от неожиданности.

Броневая пуля сбита трак. Порванная гусеница по-змеиному сползла с катков.

Движущаяся вторая гусеница резко развернула танк.

Стальной корпус опасно накренился. По ушам резанул мерзкий скрежет.

Огромная бронированная машина опрокинулась. Разметав сугробы, она со всего маха ударила башней о землю. Башня отлетела, словно отрубленная голова. Поднимая серпантин почти прозрачного снега, покатила вниз по склону. Бешено закрутилась уцелевшая гусеница, делая гибель танка похожей на предсмертную агонию подстреленного животного.

Алексей повернулся к броневому, радуясь его удачному выстрелу, и наткнулся на пристальный, тяжелый взгляд. Позади бойца с противоположного холма катилась серая лавина, на позиции лезли новые танки, а суровый броневойщик не сводил глаз с Алексея Калинина. Совсем еще зеленого лейтенанта, которому было приказано найти первый взвод за одну минуту.

Вереницы пуль вспарывали воздух, снаряды рвались, словно в преисподней. Не оглядываясь, Алексей полз и полз, желая оказаться как можно дальше от укоризненного взгляда броневому. Но через какое-то время не выдержал и обернулся.

Тот по-прежнему смотрел на Калинина. Даже когда рядом с ним поднялся очередной немецкий танк и днищем рухнул на окопы – он до последнего момента не сводил с Алексея пронзительного взгляда. Калинин не знал, что случилось с броневым дальше. И больше никогда его не видел.

Полковая батарея молчала. Орудийных залпов не было уже несколько минут. Видимо, от нее ничего не осталось. Пара танков прорвала оборону, но один из них сразу задымился, остановленный броневым-зажигательной пулей. Прижавшийся к земле Алексей повернул голову в направлении, откуда раздался выстрел.

Метрах в тридцати на пригорке он различил солдата, устроившего отличный укрепленный рубеж. Когда танк вспыхнул, до Калинина донесся звонкий голос:

– Сгинул, проклятый! Получи дулю!

«Этот красноармеец наверняка сможет указать, где находится первый взвод, – почему-то подумал Калинин. – Или, возможно, он сам из первого взвода».

Более не размышляя, Алексей пополз в том направлении. Он преодолел несколько метров, и тут новая серия взрывов заставила его вжаться в землю. Снаряды рвались и возле Алексея, и возле пригорка, к которому он полз. Огонь вел второй немецкий танк и еще пара переваливших через окопы.

– Струсил, сволочи! – снова раздался звонкий голос с возвышенности. – Страшно подойти-то?!

Алексей вдруг увидел торчащий из земли темно-зеленый цилиндр. На полукруглом жестяном боку виднелись едва различимые буквы. Очень осторожно он провел пальцами по краю цилиндра.

Что это?

Со стороны пригорка раздался новый выстрел из бронебойного ружья. Еще один танк остановился и выпустил в закопченное небо струйку дыма.

– На, получи, фашист рогатый!

Обеими руками Алексей стал быстро разгребать землю вокруг непонятого предмета. Показался тонкий шов, огибающий цилиндр по краю. Теперь Калинин смог разобрать буквы на жестяной поверхности. Они образовывали слово «правила».

Тем временем немец саданул по пригорку из пулемета. Пока залиvistые очереди взрыхляли укрепление, оттуда не раздавалось ни звука. Но как только выстрелы оборвались, в адрес танка понеслась очередная тирада:

– Не достать вам морячка черноморского! Не достать зубра соленого!

Цилиндр удалось оторвать настолько, что за него можно было ухватиться. Алексей вцепился в гладкие края и стал тянуть. Жестянка сидела крепко, словно выросла корнями в землю. Калинин пришлось раскачивать ее из стороны в сторону.

– Выпусти море кровушки, сам в нем и захлебнешься! – раздалось с пригорка. Молодой лейтенант поднажал. Цилиндр стал поддаваться. Сделав последний рывок, Алексей вытащил противотанковую гранату «РПГ-41». Однако то, что показалось вслед за ней, заставило молодого лейтенанта закричать от ужаса. Неподалеку раздался взрыв, и крик утонул в страшном грохоте.

Калинин лежал на месте бывшего окопа, разрушенного и засыпанного землей во время бомбардировки. Алексей продолжал кричать, даже когда грохот взрыва ветер унес в сторону почерневших березок. Рукоятку противотанковой гранаты, которую вытащил Калинин, сжимали посиневшие пальцы. Из земли торчала мертвая рука. Было похоже, будто Алексей раскопал чью-то могилу.

Внезапно что-то загрохотало совсем близко, заставив Калинина вжаться в землю. Огромные гусеницы пролетели рядом, лязгая и разбрасывая снег и мерзлую почву. На какое-то мгновение над головой, словно чудовище из древней сказки, вырос темный гигантский силуэт.

В глазах потемнело. Сердце перестало биться, дыхание остановилось. Страх судорожный и всеохватывающий накатил на молодого лейтенанта.

...Темная тень, накрывшая Калинина, слетела. Танк спешил к высоте, на которой засел неуступчивый красноармеец. Немца совершенно не интересовало застывшее в снегу безвольное тело, больше похожее на труп. Один из многих.

Алексей медленно вытащил гранату из окоченевших пальцев неизвестного бойца, похороненного живо. Она оказалась громоздкой и очень тяжелой и всё норовила выскользнуть из ладони.

Он прополз несколько метров вперед, поднял голову и с огорчением понял, что опоздал. Немецкий танк уже въехал на пригорок и утюжил гусеницами укрепление красноармейца.

«Всё, – подумал Калинин. – Конец парню».

Он с сожалением посмотрел на гранату. Кольцо предохранительной чеки покачивалось у основания ладони.

Танк съехал с пригорка. Калинин тяжело вздохнул, глядя на исковерканную огневую точку.

Немецкие танки прорвали оборону. Выстрелов больше не было слышно. В воздухе стояли только грохот гусениц и рев бензиновых моторов. Очевидно, танки стремились захватить какой-то рубеж за линией обороны, поэтому не задерживались на высоте и уходили дальше, сквозь деревню Ельцово.

Раздался хлопок. Машина, утюжившая пригорок с храбрым бойцом, загорелась. По тому, как пламя быстро охватило броню, Калинин понял, что это была бутылка с зажигательной смесью.

– Вот тебе, зверь неписанный! – раздался знакомый голос из окопа.

Алексей оживился и быстро пополз к пригорку. Он не знал, зачем, но думал, что так нужно. Пока он полз, из окопа донеслось:

– Рви-ломай, вражья сила! Сам черт тебе не поможет!

Этот голос... Он стал почти родным Алексею в адском грохоте немецких танков.

Калинин замер в каком-то десятке метров от огневой точки. К высоте летел еще один танк. Он объехал подбитые красноармейцем полыхающие машины и оказался рядом. Очередь из пулемета начала хлестать по окопу, не давая солдату подняться.

«Вряд ли у него что-то осталось, кроме слов», – подумал Алексей.

Пулемет на мгновение затих, вслед за ним выстрелило башенное орудие. Снаряд взорвался на краю рва. Землю и осколки отбросило как раз туда, где находился солдат.

Снова заговорил пулемет, дробя мерзлую землю пригорка. «После такого обстрела не выжить», – решил Алексей, когда пулемет замолчал.

Словно опровергая его мысли, из окопа донеслось очередное:

– Слабо бьете, сволочи! Мне даже не щекотно! – Пулемет вновь заработал. Калинин вспомнил, что всё еще держит гранату в руке. Сжав ее покрепче, прополз пару метров к танку и остановился.

«А что, если танк переведет огонь на меня?» – закралась в голову предательская мысль.

Он замер в нерешительности. Танк перестал стрелять, въехал на пригорок и начал утюжить гусеницами укрепления и засыпать землей солдата. Он крутился на месте, съезжал и снова налетал на окоп. Иногда его борт или задняя часть корпуса поворачивались к Калинин и были совершенно открыты для поражения. Алексею нужно только подняться, пробежать несколько метров, метнуть гранату. Но лейтенант был не в силах даже оторвать руку от земли, настолько велико было охватившее его оцепенение.

Танк съехал с пригорка. Повалил тоненькую березку и умчался в глубь деревни.

Некоторое время Алексей лежал, не двигаясь. Затем, так же ползком, пробрался к окопу. Метрах в двух остановился и, не в силах сдержать слезы, пополз обратно. Среди комьев земли он увидел безжизненное тело в морской тельняшке и мирно закрытые глаза под белесыми бровями. В сжатых зубах стиснуты ленточки от бескозырки, которая свалилась с головы, выпустив золотистые кудри. Слезы катились по щекам. Понимая, что слабость недостойна командира взвода, Алексей, однако, был не в силах остановиться. Угрызения совести, неумолимые и мучительные, преследовали его. Ведь он мог уничтожить танк и предотвратить гибель отчаянного красноармейца...

«Он был моряком. Черноморским морячком. Зубром соленым!» – пронеслось в голове.

Алексей мог бросить гранату, но что бы это дало? Его бы расстрелял или раздавил гусеницами следующий танк. К тому же немцы всё равно прорвали оборону. Защищать больше нечего. А когда нечего защищать, геройство не имеет смысла. Нужно сохранить вою жизнь и силы, чтобы противостоять фашистам в дальнейшем. И он сделал это...

Тогда ради чего погиб бесстрашный моряк? Неужели зря? Почему «зубр соленый», предвидя свою гибель, сражался упрямо и бесстрашно? Разве он не понимал бессмысленности сопротивления?

Выходит, не понимал. Выходит, что зря погиб. Вот только не мог Алексей поверить, что смерть моряка была напрасной, вспоминая, как мужественно и отчаянно тот бился. У него была вера. И он держался за нее так же крепко, как его зубы стискивали ленточки от бескозырки.

Рев моторов растворился в закопченном воздухе, лязг тяжелых гусениц стих за избами. Бой подошел к концу. Алексей Калинин неожиданно вспомнил, что до сих пор не выполнил приказ Борового и не нашел свой взвод.

Сергей Вирский поднял голову и увидел вокруг сплошное месиво. Окопы разрушены, воронки усеивали окрестности, насколько хватало глаз. Борозды грязного снега чередовались с полосами коричневой земли. В воздухе стоял тяжелый запах пороха, дыма и горящего машинного масла.

Бой закончился. Танки прорвались, но вражеской пехоты не было и в помине.

Вирский встал, пошатнулся. Кружилась голова. Внутри что-то ныло, как будто слышалось тоскливое женское завывание. Барабанные перепонки медленно отходили от разрывов снарядов и бомб. Кажется, его контузило.

Не чувствуя уверенности в ногах, он опустился обратно на землю. Женский голос в голове поутих, и Сергей было подумал, что тот, наконец, заткнулся, но возобновился. Вирский сдвинул виски ладонями и взглянул на небо.

Яркий солнечный луч прорезал марево черного дыма и облаков, коснувшись развороченной земли в паре воронок от солдата. Он осветил разрушенные окопы и спуск с холма, сглаживая грубые очертания руин и придавая ландшафту неземной, волшебный вид. Вирский некоторое время сидел на снегу, любясь чудным зрелищем, а затем пополз на четвереньках в направлении света. Влекомый странной силой, он надеялся попасть в манящий столб света.

Но луч убежал от Сергея, словно играя. Он не успел. Разлапистые клубы грязного дыма, похожие на грозные тучи, заволокли солнце, оборвав теплый луч, прикоснувшийся к земле.

– Откуда ж я знаю! – кричал в трубку полевого телефона Боровой. – Они пронеслись через позиции, даже не заметив нас... Да, одни танки, без пехоты!.. Пехота в ложбину не пошла... Как же их сдержать было!..

Над окопом взвизгнула пуля. Старенький политрук Зайнулов, молча ожидавший конца разговора, окинул окрестности прищуренным взглядом.

– Откуда стреляет эта сволочь? – озабоченно спросил Боровой, на миг оторвавшись от трубки. – Нет, это я не вам! Не вы сволочь!.. Как я мог их сдержать! На батарее был налет. Ружей всего два. А немецких танков больше, чем у меня солдат в роте!

Он рассерженно бросил трубку.

– Что за идиоты в этом штабе! – воскликнул он в сердцах, повернувшись к Зайнулову.

– Мы в окружении? – поинтересовался политрук. У него на лбу, прорезая морщины, уголком белел шрам.

– Они там не знают. Они ни хрена не знают! – Боровой нервно затянулся папироской. – Ахметыч, будь добр, найди мне старшину.

Старенький политрук кивнул.

– Только осторожнее! – предупредил Боровой. – Кажись, снайпер работает. Откуда он только взялся!

Политрук снова кивнул и скрылся в окопах. Пробираясь между обвалившимися стенками, он столкнулся с незнакомым молодым лейтенантом, чье лицо почернело от копоти, уши на шапке торчали в разные стороны, его шатало, как пьяного, но пьян он не был.

– Извините меня, простите меня, – бормотал лейтенант. – Вы не скажете, где первый взвод?

– Что? – не понял Зайнулов.

Не повторив вопроса, лейтенант, спотыкаясь, побрел дальше.

Старенький политрук много чего повидал на своем веку, поэтому не удивился поведению лейтенанта и даже не пожал плечами. Он осторожно продолжил движение по окопу в поисках старшины.

– Товарищ старший лейтенант? – удивился Калинин, увидев перед собой Борового. Он никак не ожидал, что снова вернется к командиру роты. Это выбило его из колеи. Он живо

представил, как командир достанет табельный пистолет и со словами: «Нашел ли первый взвод за минуту, добрый молодец?» – приведет приговор в исполнение.

– Ах, это ты. – Ротный едва взглянул на него. – Выжил?

Калинин не мог вымолвить ни слова. Слова застряли в горле, словно колючки.

– Плохи наши дела, – сокрушенно произнес Боровой. – Танки прорвались, линия фронта неизвестно где... Батальон то ли в окружении, то ли нет. Никто не знает.

– Я...

– Хорошо, что выжил. А вот большая часть роты полегла. Наверное, отступить придется, раз танки порвали нас. В штабе пока не решили... Как чувствуешь себя?

– Мне было очень страшно, – откровенно признался Калинин. – Меня ударило, оглушило, отбросило...

– Это и называется мясорубкой! – объяснил Боровой. – С боевым крещением.

И ротный протянул руку молодому лейтенанту. Тот нерешительно пожал жесткую большую ладонь.

– Помню, на Финской попали мы между двух огней, – поведал командир, снимая каску вместе с ушанкой и вытирая платком пот с бритой головы. – Финны ударили с двух сторон из минометов и артиллерии. Мы ничего развернуть не успели, заняли круговую оборону. Много народу тогда полегло. Тоже была мясорубка!

– Я не нашел первый взвод, – признался Алексей.

– Немудрено. Видал, под какую бомбежку попали! – Боровой взглянул вверх, заметив кого-то у окопа. Привстал.

– Семен, иди сюда! – крикнул он, махнув старшине.

На душе у Калинина полегчало. Ротный не сердился на него! Наоборот, даже обрадовался, что он остался жив. Командир начинал нравиться молодому лейтенанту. Вначале он казался суровым и даже слишком. Но теперь стало понятно, что суровость Борового была вызвана предчувствием серьезного боя. Мясорубки, как он выразился...

...(возьми-получи)...

Просвистела пуля. Алексей уже перестал вздрагивать от их истеричного визга, как в начале боя. К тому же стенки окопа надежно защищали его.

Боровой покачнулся.

Молодой лейтенант удивленно взглянул на командира.

Ротный неловким движением попытался ухватиться за край окопа, но рука соскользнула, и он повалился на землю. Над бровью появилась темная дырочка, которой раньше не было. Из нее сочилась кровь.

К ним уже бежали старшина и политрук. Невозможно было описать выражение на лице Семена Владимировича, столько в нем было боли и стойкости, тоски и ледящей суровости. Он оттолкнул молодого лейтенанта и опустился на колени рядом с Боровым.

## Глава 2

Незаметно наступил вечер. Двигаясь по тропинке, вытоптанной в сугробе, Калинин миновал расположение второй роты и очутился перед блиндажом комбата. Его сооружали наспех. Солдаты вырыли яму в мерзлой земле, накрыли бревнами из спиленных в ближнем лесу деревьев, присыпали такой же землей. По правилам, между бревнами и землей полагалось прокладывать слой глины, толщиной сантиметров десять. Но глину зимой достать было негде, и этого не сделали.

Алексей коснулся ладонью среза дерева и вдохнул аромат ели. Это был единственный за сегодняшний день естественный запах после вони сгоревшей взрывчатки, пылающего топлива и раскаленной брони.

Он подошел к двери, выпрямился, прерывисто вздохнул, поспешно стер каплю пота со щеки и нерешительно постучал.

– Заходи! – раздалось изнутри.

Алексей толкнул дверь и нырнул под низкую притолоку.

На улице стемнело, и маленькое окошко почти не давало света. В углах блиндажа притаился мрак, и лишь в центре он развеивался светом керосиновой лампы. У стены пыхла маленькая печь, благодаря которой в помещении было тепло и по-домашнему уютно. Алексею сделалось жарко, и он оттянул ворот гимнастерки.

Посередине стоял стол с разложенной картой. Так, в общем-то, и представлял Калинин обстановку в блиндаже командира батальона: стол, на котором разложена карта; рядом, вытянув ноги и положив их одну на другую, сидел статный командир. Благородное лицо, седые виски... Алексей попытался сосчитать «шпаль» в петлицах, но из-за полутьмы в блиндаже и слабого зрения определить звание не сумел. Мать настойчиво советовала взять на фронт очки, но Алексею не хотелось у подчиненных получить прозвище «очкарик», да и вообще казаться слабаком. Хотя в своем первом бою...

– Не напрягай зрение, парень, – произнес комбат. – Я майор.

Голос у него был бархатный и мелодичный, проникающий в душу. Алексея даже дрожь пробрала. Ладонь майора покоилась на толстой книге в массивном кожаном переплете. Странной книге. Очень похожей на старинную, судя по истертому корешку.

– Лейтенант Калинин! Прибыл по вашему приказу!

Он терялся в догадках, зачем его вызвал командир батальона. Быть может, кто-то доложил, что Алексей проявил нерешительность в первом бою, и сейчас его ждет наказание? Однако, судя по всему, командир не собирался отчитывать молодого лейтенанта. Даже не повысил голос.

– Плохо видишь? – спросил майор.

– Вдаль... плохо вижу, – запинаясь, ответил Калинин. – Близорукость у меня...

– А почему очки не носишь? – Алексей потупился.

– Боишься выглядеть слабым? – спросил комбат. Он так и сидел перед Калининным, вытянув ноги, словно отдыхая после долгой ходьбы. – Брось. Очки необходимы, если плохо видишь. И поверь мне, людям вокруг безразлично, в очках ты или без. Характер человека проявляется вне зависимости от пары стеклышек, которые он носит на глазах.

Он кашлянул, прочищая горло.

– Где учился до войны?

– В Московском университете.

– На каком факультете?

– На историческом. Занимался историей славян.

– И чем именно?

– У нас еще не было специализации, но лично мне нравится история дохристианских религий. Я немного увлекаюсь этнографией, сказаниями и былинами. Сказками, в общем.

– Сказочник, значит, – произнес майор.

– Что, простите?

– Ничего.

Он снял одну ногу с другой и согнул ее в колене. Вторая так и осталась выпрямленной. Алексей внезапно понял, что комбат сидел в такой позе не из-за того, что устал после ходьбы. Вместо несогнутой ноги у него был протез.

– Трудно пришлось в первом бою?

– Да, – откровенно ответил Алексей. – Очень.

– На твоих глазах погиб командир роты Валерий Боровой?

– Так точно. Но я его почти не знал.

– Это был отличный командир. Я вместе с ним на Финской воевал. Гм, да-а... В общем, так, Алексей. Немецкие танки прорвали нашу оборону и вышли к реке Луговая. Мы остались за пределами котла, а в окружение угодили наши северные соседи. Туго им придется.

Майор с трудом поднялся. Сильно хромая, сделал несколько шагов по земляному полу блиндажа.

– В батальоне, да и в полку, серьезные проблемы с командным составом. Офицеров катастрофически не хватает. Вместо лейтенантов взводами уже давно командуют сержанты. Ваша рота понесла серьезные потери. Да, впрочем, ты и сам знаешь...

Алексей напряженно ждал, не понимая, к чему клонит комбат.

– В общем, так, лейтенант Калинин. Я назначаю тебя командиром роты вместо старшего лейтенанта Борового.

Молодого лейтенанта пробил озноб. Стало трудно дышать.

Это невозможно. Его поставили командовать ротой, а он даже не управлял и взводом. Более того, он даже не нашел свой взвод! Рота, пусть и неполная... Это сколько же человек? Им нужно отдавать приказы, кормить, вести за собой. А за свою жизнь Алексей командовал только собакой Машкой, которая много лет жила у них в семье, а полтора года назад умерла от старости.

Комбат взял его за локоть, Алексей почувствовал, что вот-вот упадет в обморок.

– Я... я не смогу, – выдохнул он.

Седовласый майор взглянул ему в глаза, от полутьмы в блиндаже зрачки у командира были расширены.

– Мы не спрашиваем солдата, может ли он брести по грудь в снегу. Может ли выдержать сумасшедший натиск противника. Перенесет ли тридцатиградусный мороз. Мы не спрашиваем – мы отдаем приказ! А он обязан его выполнить. И я не спрашиваю тебя, можешь ли ты командовать ротой. Я приказываю.

– Это огромная ответственность.

– Именно ответственность и есть твоя основная задача как командира роты.

– Я не знаю... Я боюсь вас подвести...

– Очень хорошо. Значит, ты будешь стараться, чтобы этого не произошло.

Комбат вернулся к столу. Встав к Калининну спиной, он прикоснулся к толстой странной книге, отстегнул старомодный ремешок и раскрыл ее. Алексею не было видно, что написано в книге.

– У нас очень мало времени, ротный Калинин, – сказал он, делая акцент на обращении. – Завтра утром рота отделится от батальона и выдвинется к деревне Потерянная. В двадцати километрах от нее на северо-западе расположена высота Черноскальная, которую занял враг. Вам необходимо уничтожить противника и взять высоту. Оперативные карты передадим вам завтра на рассвете. Тогда же получите сухой паек на три дня и боеприпасы.

Алексей слушал приказ, а в голове шумело, как после контузии. Панические мысли кружили надоедливими мухами. Что делать? Как всё сложится? Он не умеет командовать. Он не справится. Зачем комбат приказывает захватить высоту, когда Алексей побывал лишь в одном бою, да и то в качестве наблюдателя?

– Там много немцев? – судорожно сглотнув, спросил он. – Я не силен в тактике.

– Всё приходит со временем. И тактические умения тоже. Немца там немного, но задание предстоит сложное.

Голова кружилась, Алексея слегка шатало.

– Задача ясна? – строго спросил комбат.

– Так точно! – автоматически выпалил молодой лейтенант, думая о том, что если он тотчас не окажется на улице, то грохнется в обморок прямо под ноги командиру.

– Можешь идти. Забудь о страхе. Ты справишься. Помни, что от тебя зависят судьбы многих людей. Я повторяю – многих! У тебя отличные солдаты. А старшина Семен Владимирович – лучший.

Не помня себя, Алексей вылетел из блиндажа. Он захлопнул дверь и припал к ней спиной. Голова кружилась, словно после карусели.

...(сгинул, проклятый! получи дулю!)...

Ему не справиться. Он не может командовать ротой. Он не умеет воевать. Его дело – читать на древнеславянском и, сидя в библиотеке, штудировать историю религий.

Появилась луна, высыпали звезды. Нетвердым шагом Калинин двинулся мимо костров, вокруг которых расположились солдаты. Он снова искал, но уже не взвод, а свою роту.

«Они не послушают меня, не станут подчиняться, – по пути думал Калинин. – Будут презрительно смотреть мне вслед и издеваться за спиной. Я умею быть вежливым, терпеливым. Но не смогу одернуть труса, наказать предателя или поднять их в атаку. Я не знаю, что сказать умирающему бойцу...»

Мороз крепчал. В тонкой шинельке было зябко. Наушники шапки «на рыбьем меху» Калинин опустил сразу после боя – точнее, после гибели Борового, – но холод пробрался даже сквозь них.

...Кажется, он уже должен был прийти в расположение роты. Алексей огляделся, но знакомые ему ориентиры скрылись в вечерней тьме. И тогда лейтенант направился к группе солдат, греющихся у костра.

– ...а он смотрит на меня ошалелыми глазами и кричит: «Магазин давай, мать твою!» Весь изматюгался, а магазин-то у него в руках!.. – рассказывал один из солдат.

Алексей около минуты мялся, пристроившись рядом и не решаясь прервать красноармейца. Наконец он собрался духом и, поймав секундную паузу в рассказе, громко спросил:

– Извините! Скажите, пожалуйста! Где можно найти третью роту?

– А тебе зачем? Ты кто? Может, вражий шпион? – Неожиданный и громкий хохот бойцов напугал Калинина и заставил втянуть голову в плечи. Солдаты хохотали так неистово, что у некоторых вываливались самокрутки изо рта.

– Нет, – тихо ответил Калинин. – Я – новый командир третьей роты.

В этот момент на него упал свет от костра, осветив лейтенантские кубики в петлицах. Солдатский хохот как отрезало. В наступившей тишине кто-то удивленно присвистнул.

– Вместо Борового, что ль?

– Да.

От группы отделилась могучая фигура.

– Сержант Ермолаев, командир первого взвода, – низким голосом произнес красноармеец, неуклюже отдавая честь. – Мы и есть третья рота, товарищ лейтенант.

Калинин неловко замолчал, не зная, что сказать, что спросить и вообще что ему нужно. Единственное, что вертелось в голове, это глупое: «Вот я, наконец, и нашел первый взвод».

– Вам, наверное, к Зайнулову, политруку, – подсказал Ермолаев. – Он вон там, у костра.

Мелким, почти семенящим шагом Калинин приблизился к костру, возле которого из плоских жестяных котелков ели трое. Алексей отметил про себя, что всех троих он уже знает. Невысокий старшина Семен Владимирович, политрук Зайнулов и украинец, который во время боя советовал Калининну лежать и не высовываться.

– Здравствуйте, – произнес Алексей.

– Ого! Привет, герой! – расплылся в улыбке украинец. – Живой, что ль?

– Присядьте, товарищ лейтенант, – спокойно предложил старенький Зайнулов. – Поужинайте.

– Спасибо, – ответил Алексей, так и оставшись на ногах. Он смотрел на старшину, который сидел к нему спиной и не собирался поворачиваться, игнорируя лейтенанта.

– Ты, кажись, у руководства побывал, – произнес украинец. – Не ведаешь, кого командиром роты назначили?

На какое-то мгновение Калинин замешкался.

– Меня.

Старшина вскочил так резко, что Алексей отпрянул. Острый взгляд уперся ему в лицо.

– Тебя?! – Калинин сразу стушевался под незримым, но невероятно мощным напором, исходящим от старшины. Он отвел глаза, уставившись в темноту. – Да ты даже свой взвод не смог найти!

– Он вон там! – показал пальцем Калинин.

– Какой из него, на хрен, командир! – воскликнул старшина, обращаясь к Зайнулову.

– Семен, остынь, – попросил политрук.

Старшина поджал губы и запустил свой котелок куда-то в темноту. Алексей посмотрел на украинца и уловил в его взгляде нечто похожее на жалость.

– От нас мокрого места не останется, если ротными будут ставить таких вот сосунков! – словно выплевывая слова, хрипло воскликнул старшина. – Он положит роту в первом бою, а потом будет оправдываться, что слишком молод для этой должности...

Калинин не знал, куда деваться от стыда. Когда о нем говорили в его присутствии, он чувствовал себя неудобно, а уж если говорили в оскорбительном тоне – и вовсе был готов провалиться сквозь землю.

– Семен, ты обязан подчиняться приказу, – сказал политрук. – Командование считает это назначение правильным. Сверху всегда виднее, чем снизу. – Старшина резко повернулся:

– Я даже слышать не хочу о тех, кто наверху, Зайнулов! Они смотрят только вдаль, а люди для них – муравьи под ногами.

Полагая, что высказал всё, старшина решительным шагом скрылся в темноте.

– Не обижайтесь на старшину, товарищ лейтенант, – произнес политрук. – У него личное горе. Как вас зовут?

– Калинин. Алексей.

– Так не пойдет, – нахмурился политрук. – Вы не в школе. Нужно по имени-отчеству. Я, например, Михаил Ахметович Зайнулов. А вы?

– Алексей Витальевич, – робко произнес Калинин.

– Привыкайте, Алексей Витальевич. Вы теперь командир роты, и негоже солдатам называть вас Лешей. Если допустите панибратство, не сможете отдать решительный приказ.

Алексей усвоил совет.

– Николай Приходько, – представился украинец, протягивая руку. Алексей пожал ее. – Из огня да в полымя. По моему разумению, тот утренний бой полегче будет, нежели ротой

командовать. Если честно, не хотел бы оказаться на вашем месте. По мне, лучше отвечать за самого себя.

– Вот и отвечай за себя, а язык на привязи держи, – одернул украинца Зайнулов. – Больно длинный он у тебя.

– У меня и язык длинный, – улыбнулся Приходько, – и руки, и всё, что ниже...

– Марш в роту! – оборвал его политрук. – Скажи командирам взводов, чтобы ребята построили.

– Эх... – с улыбкой вздохнул Приходько, слегка огорченный тем, что ему не дали высказаться. Он выскреб котелок ложкой, засунул ее в рот, затем, не вынимая ложки изо рта, прицепил котелок к поясу. Потом всё-таки вытащил ложку, поднял ее, чтобы сопроводить жестом какую-то фразу, но Зайнулов так строго посмотрел на него, что Приходько ретировался.

– Здорово нас потрепали в бою, – произнес политрук. Ему было уже много лет, пламя костра бросало мерцающие отблески на смуглое лицо, изъеденное морщинами. – Убитых похоронили, как полагается, кого нашли. Кого не нашли, те в земле лежат. Раненых отправили в дивизионный госпиталь. От роты осталось сорок три человека. Мы сформировали два взвода по два отделения. Первым взводом командует сержант Ермолаев, вторым – сержант Калугин. Ребята хорошие, на них можно положиться. Из оружия уцелело два противотанковых ружья «ПТРД» – по ружью на взвод, пара пулеметов «ДП» и один «максим». Есть несколько пистолетов-пулеметов Шпагина, но в основном солдаты вооружены винтовками и карабинами.

– Кажется, оружия не так много.

– Вы правы, Алексей. Мы пытались пользоваться немецким, но трофейный «шмайсер» хоть и удобен, да на морозе ненадежен, вот... Что я еще хотел сказать?

Алексей давно хотел сообщить о задании. Оно волновало его. Он подумал, что сейчас самый подходящий момент.

– Нам отдан приказ. Мы должны занять высоту Черноскальная.

– Приказано – займем, – пожал плечами политрук. – Пойдемте. Кажется, все построились.

Рота выстроилась шеренгой. Зайнулов подвел Калинина к костру, чтобы солдаты могли разглядеть нового командира. В начале строя Алексей заметил старшину и командира первого взвода. Старшина не смотрел на лейтенанта.

– Смир-рна! – не чеканя команду, а как-то обыденно воскликнул старшина. – Товарищ лейтенант, третья рота по приказу построена.

Алексей уловил во фразе заминку. Ему показалось, что старшина хотел сказать, «по вашему приказу», но выпустил неподходящее, по его мнению, слово.

«Что ж, – подумал Алексей, – действительно, не я отдавал приказ».

Вперед вышел Зайнулов.

– Я вас, ребятки, долго задерживать не буду. – Он кашлянул в варежку. – Но то, что я скажу, – сказать надо сегодня, чтобы слухов не распускали. Приказом командования от сегодняшнего дня на должность командира роты назначен лейтенант Калинин Алексей Витальевич. – Он повернулся к Калинину: – Вы должны что-то сказать им.

– Я не знаю, что, – растерялся Алексей.

– Расскажите, как вы организуете службу. Чего будете требовать от солдат.

– Я даже не думал об этом! Я до сих пор не могу прийти в себя после назначения! – яростно зашептал Алексей.

– Но о чем-то вы думали, когда вас назначили командиром взвода. Не могли же вы явиться сюда просто так?

Алексеем опять стало стыдно. Когда отправлялся на передовую, он понятия не имел, как поведет себя в роли командира.

– Что-то произнести вы должны, – настаивал Зайнулов. – Расскажите хотя бы о себе.

Немного подумав, Алексей кивнул. Жестом политрук указал, куда нужно встать. Ново-явленный командир вышел вперед. Четыре десятка усталых, суровых, прожженных порохом красноармейцев смотрели на него. Он был младше любого из этих бойцов, но, по стечению обстоятельств, он стал их командиром. Алексей глядел в эти лица, в ожидании обращенные к нему, и чувствовал, что не в состоянии произнести даже простую фразу.

– Может, спать пойдем, а? – сказал кто-то из первого взвода. По рядам прокатились смешки.

– Команды трепать языком не было! – басовито прикрикнул сержант.

«Ермолаев», – вспомнил Алексей.

Вновь воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием поленьев в костре и далекими раскатами взрывов. Алексей был благодарен Ермолаеву.

– Меня зовут Алексей... то есть Алексей Витальевич Калинин, – нерешительно начал он. – После школы я поступил на исторический факультет Московского университета. У меня очень интересная специальность. История славянских народов. Если бы вы знали, насколько велико наследие славян! А как увлекательна дохристианская религия, которая впоследствии была предана анафеме. Всё, что осталось от нее, – это народные былины и сказки...

– Кхмм!.. – предостерегающе кашлянул в рукавицу Зайнулов.

Калинин замолчал.

– Сказочник, – иронично заметил кто-то из рядов. Солдаты было засмеялись, но улыбка замерла у них на устах под пристальным взглядом политрука. Алексею показалось, что сказал это Приходько.

Волнуясь и мучительно подбирая слова, Алексей не нашел ничего лучше, как произнести:

– Завтра на рассвете нам приказано выступить в район деревни Потерянная. Оттуда мы совершим марш-бросок к высоте Чернокаменная! Предстоит тяжелый бой. Вам следует хорошенько отдохнуть, чтобы с утра быть готовыми к походу.

– А мы всегда готовы! – крикнул кто-то из рядов. Теперь Алексей точно видел, что это Николай Приходько. – Мы же как пионеры!

Строй развеселился.

– Товарищ лейтенант! – крикнул еще кто-то. – А что это у вас на верхней губе?.. Ой! Так это ж у вас молоко не обсохло!

Общение с красноармейцами начинало выходить из-под контроля. Обычно окрика старшины Семена Владимировича было достаточно, чтобы прекратить веселье. Но сейчас он молчал и в каком-то забытии смотрел в темноту перед собой.

– Старшина! – крикнул ему Зайнулов, как бы напоминая, что тот должен выполнить свои обязанности.

Семен очнулся и взглянул на политрука. Кивнул. И рявкнул:

– Р-рота, вольно! Р-разойдись!

Ровные шеренги мигом рассыпались. Солдаты расходились, и уже было невозможно вернуть их обратно. Некоторые, проходя мимо Калинина, похлопывали его по плечу, что-то говорили – иногда по-свойски, иногда дерзко. Алексей, поникнув, смотрел на короткие языки костра.

– Они устали сегодня, – произнес Зайнулов, оправдываясь. – Бой выдался тяжелый. Многие их друзья погибли, и они пытаются выместить горечь. Отсюда эти шуточки, хихоньки... У вас тоже был трудный день, Алексей. Идите спать.

Калинин кивнул, вытирая нос рукавом шинели. Зайнулов ушел в темноту, а Алексей мучительно думал, что ему никогда не стать командиром. Не его это дело. К тому же первая встреча с бойцами прошла настолько плохо, что пренебрежительно-дерзкое отношение к нему со стороны солдат будет трудно преодолеть.

Последний боец, проходя мимо, похлопал Алексея по плечу. Это оказался Николай Приходько.

– Что-то ты погрустнел, Сказочник, – произнес он со своей извечной улыбкой. – Я знаю, как тебя развеселить. Держи!

Алексей подставил ладони и машинально взял горячий котелок. В ноздри ударил ароматный запах перловой каши.

– У меня даже нет пистолета, – отрешенно произнес Калинин. – И ложки тоже нет!

– Бери! – сказал Приходько, протягивая свою. – Пистолет будет потом.

– Спасибо вам, – с благодарностью глядя на Приходько, произнес Алексей.

– Только, ради бога, не надо цветов и медалей! – ответил Николай и скрылся в темноте вслед за остальными.

Алексей опустился на снег и, мучаясь от стыда за свои командирские промахи, начал жадно есть кашу. Мимо него, скрипя валенками по снегу и сторбившись, прокрался неуклюжий красноармеец, у которого была настолько короткая шея, что, казалось, ее просто не было. В руке красноармейца покачивалась керосиновая лампа.

Этот танк Фрол Смерклый заметил еще во время боя, когда выстрел из противотанкового ружья разорвал траки. Машина стояла целехонькая, только правая гусеница была распущена и утопала в снегу. Экипаж срезало очередь из пулемета при попытке выбраться из люка. После этого никто к танку не приближался, что было самым главным.

– Иван! – окликнул Смерклый командира взвода Ермолаева, как только старшина командовал «вольно».

– Чего тебе? – отозвался сержант, здоровый детина, коренной сибиряк.

– Слышь, сержант, одолжи лампу керосиновую! – Смерклый был родом из-под Вологды, где в маленькой деревеньке прошли сорок два года его нудной крестьянской жизни. Однообразная и окающая речь Фрола частенько раздражала сослуживцев, а прижимистая натура делала изгоем во взводе. Но Ермолаев держался со всеми ровно, стараясь никого не выделять, быть может, из-за своих представлений о том, каким должен быть командир, но скорее из-за миролюбивого характера.

– Зачем тебе?

– Надо. – Фантазии Смерклого не хватало даже на простейшую ложь. – Надо мне... по нужде.

Ермолаев усмехнулся:

– Ежели каждый по нужде будет с керосиновой лампой ходить, то керосину на весь полк не хватит! – Сержант закинул на плечо свой вещмешок вместе с автоматом, собираясь найти место для ночлега. – Да возьми, мне не жалко!

Добыв лампу, Смерклый обходными путями, чтобы никто не видел, направился к танку. Он прошел мимо нового командира, который с задумчивым видом ел кашу из плоского походного котелка. Фрол усмехнулся про себя: «Ишь! Нашли командира. Только от мамки оторвали, а уже – командир роты!»

Темная громадина танка выросла перед ним. Фрол остановился. От стального зверя шел сильный запах масла и бензина. Смерклый зажег лампу и осветил пространство перед собой. Из темноты проступил огромный фашистский крест, выведенный на борту.

– Господи! Царица небесная! – промолвил крестьянин, отшатнувшись. – Намалюют чертовщины всякой, аж ходить страшно!

Мороз крепчал. Смерклый потуже запахнул шинель и, стараясь не разбить лампу, стал неловко взбираться на танк. Люк на башне был откинут. Прежде чем лезть в него, Фрол опустил внутрь фонарь. Скупой свет выхватил из темноты торчащие рукояти управления и стреляные гильзы на полу.

Он понюхал воздух. Чужой запах. Не русский какой-то. Порох, конечно, везде пахнет одинаково, но, кроме него, Смерклый ощутил нечто иное: запах одеколлона или формалина. Фрол про себя назвал его «фашистским духом».

Глубоко вздохнув и перекрестившись, крестьянин неуклюже полез в люк. Однако сволочные фашисты и здесь успели напакоstitь, сконструировав проем на редкость узким. В результате Фрол застрял, причем самым неудачным образом – с прижатой к животу коленкой.

Он и тужился, и кряхтел, стараясь протолкнуть в люк негнушующую ногу. И она, наконец, проскользнула. Не ожидавший этого крестьянин провалился вниз.

Загремели листы железа, колокольным перезвоном отозвались стреляные гильзы. Смерклый жалобно застонал. Брякнулся он знатно, ударившись об пол грудью и подбородком. Зато спас фонарь, удержав его на весу.

Находиться в темной стальной коробке при свете керосиновой лампы было жутко. Снаружи завывал ветер, угнетала теснота и совершенно непривычный запах.

– Как в гробу, – заключил Фрол.

Бормоча что-то под нос, он стал рыскать по танку. Вымазав шинель машинным маслом, Смерклый ощупал всё, до чего дотянулись узловатые крестьянские руки. Мимолетом глянув на выставленную фотографию молодой немки, он кинул ее на пол, под ноги. В одном темном уголке обнаружил жестяную коробку. Опустившись на сиденье водителя, повесил керосиновую лампу на какой-то рычаг и стал вертеть коробку в руках.

Там было что-то очень интересное. Смерклый несколько раз потряс ее, слушая, как содержимое гремит и перекачивается, но открыть не мог. Коробка была плотно закрыта крышкой, перед которой оказались бессильны и ногти, и зубы, и перочинный нож. Фрол долго вертел коробку в руках, пока не обнаружил сбоку маленькую защелку.

– Ироды фашистские! – пробормотал он со злостью, снимая защелку и откидывая крышку.

Глаза загорелись при виде изобилия: в коробке был спрятан сухой паек танкиста.

За те двадцать лет, что он пробатрачил в колхозе, вспахивая поля и сея пшеницу, таких продуктов ему видеть не доводилось. Фрол вытащил на свет керосиновой лампы банку рыбных консервов, затем еще одну банку с изображением сочных сосисок. За ними вынул пачку изюма, пакетик леденцов, сыр в непромокаемой упаковке, баночку джема. Упаковку с галетами Смерклый раскрыл сразу, но, попробовав одну, сморщился и выплюнул. На пол, в мусор, полетела вся упаковка.

Под галетами лежала крупная плитка шоколада. Содрав фольгу, Фрол засунул в рот всю плитку и стал смачно жевать, не обращая внимания на липкую коричневую слюну, которая текла по подбородку.

На дне жестяной коробки лежали семь папирос и две сигары. Папиросы и одну из сигар Смерклый сунул в карман гимнастерки. Вторую взял в рот и стал прикуривать от керосиновой лампы. Изрядно намучившись и потратив много времени, он так и не сумел запалить кончик. Надеясь, однако, сделать это позже, Фрол спрятал сигару в тот же карман.

Он сложил продукты обратно в коробку и сунул ее в вещевой мешок. После этого тихо выбрался из танка и направился в расположение роты.

– лейтенант Калинин?

Алексей с трудом разлепил глаза. После напряженного дня и горячего ужина его сморило. Он так и уснул, сидя на снегу.

– Да, – ответил Калинин, увидев перед собой морду лошади.

Это сон? Или с ним действительно разговаривает лошадь?

– Здравия желаю! – Рядом с лошастью стоял солдат. – Меня прислали из штаба.

– И вам... того же, – ответил Калинин. Солдат принялся сгружать с крупа четвероногой «помощницы» какие-то вещи. Калинин поднялся, сдержанно зевнул и посмотрел на часы. Еще только восемь вечера! Кругом стояла непроглядная тьма, лишь кое-где разгоняемая кострами.

– Вас сегодня командиром роты назначили, – говорил солдат. – Вот, вам положено.

Алексей с удивлением принял большой овчинный тулуп с теплым мехом. Мороз подбирался уже градусам к двадцати, и этот тулуп лишним не будет.

– Ваша португеза и командирский планшет. – Солдат протянул клубок кожаных ремней. – В планшете карта местности с указанием района выдвижения роты. Вот здесь распишитесь, что получили.

На протянутом листке Алексей поставил свою подпись: «Кал» с росчерком.

– Валенки. Они теплее сапог.

– Спасибо.

– Не за что... – Он достал что-то из сумки, висящей на боку у лошади. – А это ваш командирский «тэ-тэ». Держите.

Алексей взял кобуру, в которой, судя по тяжести, находился пистолет.

– Вроде всё, – оглянувшись, сказал солдат. – Сухой паек на три дня и боеприпасы для роты подвезут утром. Если что забыл для вас, привезу утром... Да! Вот еще!

Из той же сумки он вытащил три фляги:

– Возьмите. Боевая норма.

– Это что? – недоуменно спросил Калинин.

– Спирт.

– Зачем?

– Да уж пригодится, – подмигнув, ответил солдат. – Без этой водички тяжело будет вашим бойцам в атаку идти.

Он причмокнул губами, подбадривая лошадь, и уже собирался уходить, но Алексей остановил его.

– Постойте! – промолвил лейтенант. – А где мои гранаты?

– Зачем гранаты? Они вам не положены.

– Как же я буду воевать без гранат?

Порученец едва заметно усмехнулся:

– Вы – командир. Ваша задача людьми командовать, а не гранаты бросать.

– Дайте пару. Я очень прошу!

Порученец устало посмотрел в глаза молодому лейтенанту.

– Бог с вами! – Он снял с плеча тканевую сумку. – Возьмите мои. Там пара «лимонок». Запалы отдельно лежат в специальном карманчике.

Калинин принял сумку, как святыню.

– Теперь всё? – спросил солдат. – Тогда удачи!

И он ушел в темноту, ведя лошадь под уздцы. Глядя ему вслед, Алексей перекинул через голову матерчатый ремешок сумки с гранатами.

## Глава 3

Рота отделилась от полка в восемь утра, когда блеклый контур солнца только поднимался над заснеженными полями. Солдаты двигались единой колонной по протоптанной дороге. Впереди шли Калинин с политруком, чуть позади – старшина. Замыкала строй лошадь по кличке Дуня, которая, кроме дополнительных боеприпасов для роты и корма для себя, везла на санях пулемет «максим». Передвижения, производимые дивизией, официально именовались перегруппировкой. На самом же деле дивизия отступала. Части Красной Армии оставляли позиции и уходили на запад. Пару раз рота пересекалась с другими подразделениями и колоннами автомобилей. Однажды красноармейцам даже пришлось вытаскивать санитарную машину, провалившуюся в яму под снегом.

Они двигались по стрелкам, указанным на карте из планшета. Алексей мало понимал в обозначениях, поэтому карту в основном читал политрук, долго и терпеливо объясняя каждую мелочь.

Часам к десяти рота осталась одна. Вокруг больше не урчали двигатели грузовиков, не плелись лошадиные повозки, да и солдатских шинелей, кроме своих собственных, было не видно. Только молочный нетронутый снег, насколько хватало глаз, да линия леса на горизонте.

По сравнению с ночной стужей десятиградусный мороз только бодрил. Алексей еще с вечера надел овчинный тулуп и несколько не замерз, впервые ночуя на снегу. Однако истинную ценность командирской одежды он понял утром, когда обнаружил, что бойцы роты облачены кто в шинель, кто в телогрейку. Овчинные тулупы оказались только у командиров взводов и политрука. Старшина почему-то ходил в простом ватнике, хотя Алексей был уверен, что шуба ему тоже полагается. В общем, в овчинном тулупе Калинин почувствовал себя увереннее, в соответствии с должностью командира роты.

Около одиннадцати утра рота вышла на окраину деревни Потерянная.

– Всё правильно, как и указано на карте, – сказал Зайнулов.

– А разве на карте может быть что-то не так? – спросил Калинин.

– Бывает частенько.

Потерянная с виду казалась почти заброшенной деревней. Около десятка старых почерневших изб образовывали единственную улицу. Бойцов встречали старухи в ветхих, заштопанных тулупах, голова каждой укутана в шерстяной платок так, что вместо лица виднелся только кончик носа.

– Нужно сделать привал, – подсказал Зайнулов. Налетел порыв ветра, и где-то одиноко ударил колокол. – Возможно, нас покормят... Хотя, глядя на этих старух, полагаю, что кормить придется их.

– Здравствуйте, – обратился Калинин к ближайшей местной жительнице и замолчал, уставившись на нее.

Бывший студент исторического факультета неожиданно обнаружил, что платок старушки завязан совершенно необычно. Алексей еще не сталкивался с подобным ни в одной из деревень, где ему приходилось бывать. Концы платка завязывались не на шее, а на макушке. Эта занятная этнографическая особенность нарушила ход мыслей Алексея.

– Здравствуй, сынок. Куда путь держите?

– Здорово, мать! – вклинулся старшина. – Можно мы у вас в избах передохнем?

– Очень невежливо, что он ей не ответил, – прошептал Калинин политруку.

– А ты бы добросовестно рассказал, куда мы направляемся? – спросил Зайнулов. – Семен Владимирович правильно поступил, он перевел разговор на другую тему. Учись.

– Да мы не против, – отвечала старуха старшине. – Только покормить вас нечем.

– Ничего, мать, у нас свои продукты еще не закончились, – ответил Семен Владимирович.

– Слышите, сынки, – сказала вдруг старуха, подавшись к ним. – Не через Польшовскую балку идете?

Алексей уже собрался открыть планшет с картой, но старшина опять вклинился:

– А в чем дело-то?

– Немец прошел в ту сторону. Много немца. – Семен Владимирович сразу посерьезнел.

– Насколько много? Как нас?

– Даже больше. И лошадей много, и оружия всякого. Они южнее прошли, мимо деревни, но мы всё видели.

– Глазастые же вы!

Алексей открыл карту. Тонкая линия со стрелкой на конце, показывающая путь роты, пересекала луга под названием Польшовские. Снова от порыва ветра где-то ударил колокол. Политрук оторвался от карты и едва заметно кивнул старшине. Тот закусил губу и стал глядеть на заснеженную равнину, начинающуюся за избами. Пока он думал, пока Зайнулов с озабоченным видом вытирал лоб, Алексей вновь обратил внимание на платок старушки.

Край платка покрывал сложный вышитый узор. Когда-то яркий и алый, он теперь выцвел от времени. На повязанном платке разобрать орнамент было сложно, но Калинин был уверен, что этот узор в некотором роде удивительный и непохожий на узоры в других русских деревнях.

– Рота! Разойдись! – скомандовал старшина и обратился старухе: – Мать, примите ребят.

Старуха кивнула и отошла к другим жительницам деревни, которые сгрудились возле крайней избы. Строй солдат рассыпался. Калинин, Зайнулов и старшина остались одни.

– Немца тут никак быть не должно, – сказал старшина. – И уж тем более нам нельзя двигаться вслед за ним.

– Вы хотите сказать, что мы не станем выполнять приказ? – ужаснулся Калинин.

– У нас нет оперативных данных! Нахождение немцев в этом районе означает вероятный прорыв, о котором мы не знаем. Мы можем напороться на целую дивизию, когда отправимся к Чернокальней высоте.

– Но мы должны выполнять приказ! Приказ командования!

– Мы тоже командование. Надо учитывать оперативную обстановку, а не тупо следовать приказам.

– Приказ нельзя обсуждать! – не унимался Калинин.

– Семен, – вступил в спор Зайнулов. – Лейтенант прав. Есть приказ, его требуется выполнить. Не обратно же нам идти? Дальше будем вести себя осторожнее. Пошлем вперед разведчиков.

– Не нравится мне всё это, – произнес старшина и быстро отошел. Алексей посмотрел на политрука.

– Это плохо, что немцы прошли в том же направлении? – спросил он.

– Естественно, ничего хорошего в этом нет. Мы не знаем их цель. Они могут помешать нам выполнить основную задачу. Кстати, давно хотел спросить. Почему мы должны занять эту высоту? Почему в таком отрыве от остальных войск? Если мы займем ее, как долго придется удерживать?

Калинин растерялся. Если честно, он не задумывался над этими вопросами.

– Я не знаю, – признался лейтенант.

– Комбат не сказал?

– Нет.

– И вы не спросили?

– Я просто не думал об этом.

– А следовало бы.

И политрук ушел вслед за старшиной. Алексей остался посреди дороги, почесывая лоб и прокручивая в голове фразы из разговора со старшиной и политруком.

Красноармейцы разбредались по домам, чтобы последний раз понежиться в тепле, пообедать и продолжить путь по заснеженным дорогам. В задумчивости Алексей посмотрел на ближнюю к нему избу.

– Ух ты! – пробормотал он, забыв обо всём. Изба вроде ничем не отличалась от тысяч других, разбросанных по средней полосе России. Рубленый дом с покатою крышей, три окна на фасаде в обрамлении сложных узоров. Ничего особенного. Но глаз Алексея тотчас уловил маленькие странности.

Обычный деревенский дом до нашего времени сохранил в себе языческую заклинательную символику, с помощью которой жильцы издревле надеялись обеспечить сытость и тепло, безопасность и здоровье, защиту от злых духов. Эта символика отражала единый образ мироздания. Искусно выпиленные доски на фасаде, закрывающие фронтоны и углы, изображали небеса и ход солнца. С крыши спускались деревянные «полотенца», на которых было изображено светило. В центре обычно ставили громовой знак – круг, разделенный на сектора – символ Рода или Перуна, оберегающий дом от попадания молнии. Щипец крыши всегда украшал конек.

На этой избе изображение солнца отсутствовало. В оформлении преобладали волнистые линии и плетеные «косы», которые обрамляли окна, закрывали края крыши и наружные углы избы. Даже чердачное окошко было вырезано в форме волны. На гребне крыши вместо конька торчал невысокий потрескавшийся треугольник, острым углом нацеленный в небо. Его назначения Алексей не понял.

Он достал из планшета школьную тетрадь в клеточку и чернильный карандаш. Дела на фронтах складывались скверно, части Красной Армии несли ужасные потери, а в душах советских людей поселилась обреченность. Но всё-таки Алексей надеялся, что война когда-нибудь закончится. Восстановят университеты, будет развиваться наука и славянская история тоже. И эти странные особенности языческой культуры деревни Потерянная как будущий ученый и настоящий исследователь Калинин обязан зафиксировать для того, чтобы заняться их изучением после войны.

Зачерпнув горсть снега, он растопил его теплом ладони и, макнув карандаш в талую воду, принялся зарисовывать избу. Вчерашний студент, а ныне командир роты тщательно выводил каждое бревнышко, каждый узор. Закончив, Алексей по памяти начал рисовать старуху в платке. Он максимально точно отобразил, как был повязан платок, но вот узор по краю вспомнить не мог. Легкий порыв морозного ветра пощекотал лицо. Колокол снова напомнил о себе. Алексей оторвался от рисунка и еще раз задумчиво посмотрел на крышу избы, на непонятный треугольник. И только сейчас заметил, что на его плоскости вырезаны какие-то цветы.

Просто так ничего не бывает. Если человек имеет фамилию Кузнецов, значит, его предки работали в кузнице. А понятие «сутки», несомненно, произошло от слова «ткать». На всё есть причины. У всего свои истоки.

Истоки существовали и у этого треугольника, расписанного цветами. Он служит неким символом. Вот только символом чего?

В натопленной избе было довольно жарко, воздух пропитали несовместимые запахи свежей выпечки и солдатского пота. Возле порога были свалены шинели и ватники. Чуть поодаль «шалашиком» стояли винтовки. Из комнат раздавался зычный мужицкий говор. Алексей не вошел туда, ему не хотелось к бойцам. Он знал, что будет чужим среди них, а они почувствуют его неловкость. Поэтому топтался возле двери, делая вид, что разглядывает обвалившуюся замазку на старой печи.

Впрочем, через минуту он понял, что задержался здесь весьма кстати. Рядом с входом были приколоты оленьи рога, с которых свешивались хозяйкины тулуп и платок. Алексей протянул руку и снял платок с импровизированной вешалки.

Шерсть в некоторых местах была подпорчена молью. В серединке виднелась аккуратная заплатка. По краю шел сложный узор, и теперь, видя его целиком, Алексей попытался его прочесть.

На славянских льняных полотенцах, на одежде и платьях вышиваемые по краю переплетающиеся ромбы, линии, колечки и уточки обычно изображали праздник Купалы, Великую Матерь, силу огня, таинство зерна, колдовство кузни... Но вместо этого традиционного набора на платке присутствовали переплетающиеся и витые узоры. Этот орнамент Калинин знал. Корни и деревья. Они образовывали нижний ряд. Но орнамент, из которого состоял ряд верхний, оказался новым для Алексея. В противовес корням и деревьям, по верхнему полю были разбросаны колокольчики и кружочки на палочках.

Это был оберег. Изображение на одежде, хранящее владельца от напастей, а также дарующее силу и сохраняющее жизнь. Славяне обычно изображали священных зверей – коней, уток, рогатых оленей. Здесь же их заменяли колокольчики и кружочки. И противостояли они деревьям.

Алексей принялся зарисовывать узор на чистый лист в тетради.

– Чаю на травах не хотите? – спросила уже знакомая старушка, тихо подошедшая сзади.

– Спасибо, не хочу, – ответил Алексей. Вышивка на платке поглотила всё его внимание. –

Вы случайно не знаете, что символизируют эти узоры?

– Не знаю, – пожалала худыми плечами старушка. – Платок мне достался от матери, а ей – от бабки.

– А кто построил избу?

– Прадед. Давненько это было. Еще до того, как я родилась.

– Вам известно, почему фасад украшен волнистыми линиями?

– Нет, – совсем растерялась она. – Но думаю, что волны означают воду. Разве не так?

– Возможно, – задумчиво произнес Алексей. – Но почему вода? Здесь поблизости есть река или озеро?

Старушка отрицательно покачала головой.

– Значит, не хотите чаю, – произнесла она. – Тогда возьмите булочку с маком. Только испекла. Возьмите обязательно!

– Спасибо. – Алексею было как-то неловко брать у старушки булочку, которую она протягивала. Наверняка в деревне плохо с хлебом.

– Я испекла маковки специально для солдат, – словно прочитав его мысли, произнесла старушка. – Возьмите.

Алексей рассеянно взял. Она была теплой, мягкой, душистой. Сверху запеченную корочку покрывал слой мака. Он не стал есть булочку сейчас, а положил в вещмешок про запас.

– Вот и хорошо! Значит, потом пригодится! – напоследок произнесла старушка и удалилась в комнату. Алексей закончил перерисовывать узоры с платка и вновь вышел на мороз.

Небо было серым, солнце не проглядывало. Странный треугольник, венчающий крышу, на фоне неба казался темным зловещим наконечником.

Калинин вдруг опустил голову, неожиданно вспомнив.

Колокол! Он отчетливо слышал его удары.

Неподалеку находится церковь! А она может многое рассказать!

Алексей соскочил с крыльца.

– Тут распахивается дверь, и входит старушка, божий одуванчик. Я и говорю ей: «Страхуем, мать, от стихий, наводнений, от старости, от дряхлости...» А она в ответ: «Мне, сынок, Федя Краснов надобен!» А я ей: «Зачем вам Федя Краснов, когда и я вас не хуже застрахую». А она – дай-подай Федю. «Нету, – говорю, – Феде. Курить пошел. Покурит – вернется». А она мне: «Как это, покурит?» Я говорю: «Как обычно это делается. Взял папироску,

дунул, закурил». Бабка как завершит. У нас в конторе чуть стекла не вылетели. Оказалось – мамаша Федина! Чубу дурному уж тридцать лет, а он от матери прячется, словно пацаненок, не говорит, что курит...

– Коля! Приходько! – позвал политрук из сеней. – Пойди сюда.

– Однако некогда мне с вами, братцы, лясы точить! – подытожил Приходько, поднимаясь с табурета. – Начальство зовет! Никак награду получу. Мне политрук давно говорит – награжу тебя, Коля!

– Для тебя награда – чурбаком по голове! – сказал кто-то из солдат. – Может, все слова позабудешь и говорить разучишься. Вот люди вздохнут с облегчением! – Бойцы захохотали.

– Недалекие вы какие-то, – с сожалением произнес Приходько. – Ну вот сами посудите. Ну, замолчу я. Кто вас будет развлекать историями всякими? Вы ж потом сами заскулите: «Коленька, миленький, ну расскажи что-нибудь!» А я пожму плечами, похлопаю глазами и скажу: «Не знаю я слов русских и нерусских! Пусть вам тот рассказывает, который советовал меня чурбаком по голове...»

– Как же ты скажешь, коли все слова позабыл? – со смехом спросил тот же солдат.

– Приходько!! – прикрикнул Зайнулов. – Лето наступит, пока я тебя дождусь!

– Эх, если б не награда, – с сожалением признался Николай солдату. – Ответил бы я тебе! Он оставил красноармейцев и вышел в сени.

– Сейчас выдвигаться будем, – сообщил Зайнулов. Приходько молча кивнул. – Сбегай, найди лейтенанта.

– Как скажешь, Ахметыч! – Николай собрался уже покинуть избу, как позади них раздался голос старушки:

– Возьмите, ребятушки, булочки маковые!

– Спасибо, мать! – сказал Приходько, протягивая руку за булочкой. – Чтоб тебе долго жилось да спокойно спалось.

– И тебе добра, солдатик.

Политрук вежливо отказался от булочки. Старушка ушла, раздавая печево остальным бойцам.

– Найди его поскорее, – попросил политрук.

Приходько снова кивнул и надкусил булочку. Политрук вышел на улицу, Николай последовал за ним. Он съел половину маковки, и, хотя булочка была мягкой и аппетитной, солдат понял, что больше не хочет. Остаток он спрятал в вещевой мешок, на котором темнела корявая надпись, сделанная чернильным карандашом: «церковно-ПРИХОДЬСКАЯ сумка». Делая запас, Николай справедливо полагал, что в долгом пути к высоте Черноскальная остаток булочки еще пригодится.

Оглядевшись с крыльца и заметив одинокий след, ведущий за пределы деревни, Николай Приходько двинулся по нему.

Калинин запыхался, пробираясь по пояс в сугробах, когда достиг развалин небольшой церкви. Всё, что от нее осталось, – это белокаменные стены. Снесенный взрывом купол лежал неподалеку, наполовину запорошенный снегом. В разрушенной колокольне чудом уцелел небольшой колокол. Порывы ветра раскачивали его язык, и колокол издавал пронзительный, щемящий звон.

Входные двери отсутствовали. Алексей осторожно шагнул через проем и оказался внутри.

Вместо свода над обломками стен простиралось тоскливое серое небо. Самые верхние кирпичи почернели, зато под ними на древней штукатурке сохранились фрески. Они выцвели от времени, в некоторых местах смылись и осыпались. Но всё равно Калинин был потрясен.

Фрески были выписаны в ряд, и в их последовательности можно было угадать сюжет. Не ветхозаветный и не евангельский. Алексей осмотрелся, определяя начало, и, кажется, нашел его. На первой фреске светлые витязи на белых конях гнали басурман. У витязей правильные лица, длинные развевающиеся плащи, прямые мечи. На переднем плане удалой широкоплечий князь на белом коне. На голове у него высокий шлем с перевернутым стальным соколом, защищающим переносицу. У басурман лица грязные, озлобленные; шапки с конскими хвостами, сабли кривые. Здесь запечатлено какое-то сражение. Возможно, очень известная великая победа, поскольку под копытами коней лежит множество поверженных басурман.

На следующей фреске были изображены странные для церковного искусства сцены. Виселицы, кровь, отрубленные головы. В центре фрески стоял человек в тюрбане. Очевидно, глава басурман. Он указывал куда-то рукой, а может, взывал к своему богу. За его спиной в глубине картины толпа людей готовилась к казни.

Алексей попутно зарисовывал основные моменты. Карандаш не мог передать всю эмоциональную силу картин, поэтому Калинин только фиксировал основные персонажи и события, а также многочисленные символы и знаки.

Он посмотрел на следующий рисунок и тряхнул головой, пытаясь избавиться от навязчивости.

Эта фреска была на тот же сюжет, но зеркально противоположной по композиции и смыслу. Басурмане с кривыми саблями и на черных конях громят светлых витязей! И первым бежит удалой князь, на шлеме у которого перевернутый стальной сокол, расправивший крылья.

Алексей еще раз сравнил картины. Невероятно! Значит, он ошибся. Это не великая победа. Тогда что? Великое поражение?

Фреска с изображением казней и та, на которой басурмане побеждают витязей, казалось, были перепутаны местами. Ведь сначала надо одержать победу, чтобы творить зверства... Тогда совершенно непонятным был смысл первой картины, где витязи громят басурман.

Он перевел взгляд на следующую фреску. Нижняя ее часть была размыта. На уцелевшем куске была видна фигура властного длиннородого старца. Правая его рука покоилась на толстой книге. Рядом, преклонив колени, стояли витязи во главе с «храбрым» князем, снявшим свой шлем со стальным соколом. Могло показаться, что витязи пришли к старцу просить совета, а быть может, прощения за позорное бегство. Но по едва уловимым признакам Алексей понял, что старец сам призвал их.

– Разумеется, надо было призвать, – тихо промолвил Алексей. – Ведь враг напал на отчизну!

Последняя фреска. Лес, сугробы. Витязи сражаются с неведомыми зверями. Фигуры были прорисованы настолько нечетко, а время так безжалостно отнеслось к краскам, что очертаний зверей почти не разобрать. Витязи размахивают мечами, лезвия которых испещрены черными точками. «Капельками крови? – подумал Алексей и сразу отменил эту версию. – Нет, это не кровь. Что-то другое».

Больше фресок не было. Окончание истории, очевидно, располагалось на своде, место которого сейчас занимало огромное серое небо, слегка подернутое туманной дымкой. Калинин огорченно вздохнул и тщательно начал копировать сохранившиеся изображения. Время летело незаметно. Он пропустил обед, но голода не чувствовал. Работа всецело захватила. Закончив, он выбрался из церкви. Солдаты покидали избы и строились. До Алексея доносились задорные голоса. Он посмотрел на часы. Час дня! Нужно спешить. Калинин оглядел церковь на прощание. Взгляд остановился на обрушенном куполе, что был наполовину засыпан снегом. И он тут же позабыл, что ему нужно спешить, что в деревне готовы к маршу и ждут его команды сорок три красноармейца. Проваливаясь в пушистые сугробы, Калинин пробрался к шпилью купола. Остановившись возле знака, увенчивающего шпиль, он начал разгребать снег.

– А вот и командир! – послышался голос Николая Приходько. – Меня политрук прислал. Велел передать, что пора выступать.

Алексей кивнул, продолжая очищать знак.

– Сейчас-сейчас! – бросил он, не прекращая работы.

Приходько приблизился к лейтенанту и с интересом взглянул на купол.

– Это ж церква!

– Ее шпиль, – поправил Калинин.

– Что же тут копать? Тут, значит, кресту положено находиться!

Калинин не ответил. Приходько наклонился, чтобы помочь. Они расчистили шпиль от снега. Алексей стянул перчатку и стряхнул со знака остатки. Подхваченный ветром снег закружил, подобно пыли, попал на лицо и за воротник.

– Господи! – воскликнул Приходько и отпрянул. – Свят-свят, глазам не верю!

Церковный шпиль венчал крест. Но не обычный православный, а с концами, загнутыми под прямым углом.

Свастика.

Почти такая же или очень похожая на нацистскую.

– Неужто эти старушечки молятся на фашистов? – спросил Приходько.

– Свастика – древнеславянский символ Солнца. Это знак счастья.

– Почему же фашисты взяли славянский символ?

– Он пришел на Русь из Индии, а туда попал от арийцев – древней цивилизации, предположительно существовавшей в Гималаях. Гитлер боготворит древних арийцев. Поэтому он позаимствовал у них этот знак для Германской империи. – Алексей поднялся с колен и, нахмурившись, посмотрел на свастику сверху вниз. – Гитлер осквернил этот знак.

– Чертовщина какая-то, – произнес Приходько. Алексей впервые видел его растерянным. – Получается, что у нас с фашистами одна вера?

– Общие корни, – поправил Калинин и тщательно зарисовал в тетрадь знак на шпилье обрушенного купола.

Вместе с Приходько Алексей вернулся в роту. Красноармейцы заняли всю улицу деревушки. Бойцы балагурили, шутили, попыхивали самокрутками.

– Дайте им команду на построение, – сказал подошедший политрук.

Калинин кивнул и обратился к солдатам:

– Ребята, давайте строиться!

Его никто не услышал. Бойцы продолжали разговаривать и даже не повернули головы на крик молодого лейтенанта. Алексей вдруг ясно почувствовал свою беспомощность. Смущенный, он стал тереть матерчатый ремень гранатной сумки, перекинутый через плечо.

– А ну-ка стройся!! – неожиданно рявкнул политрук. – Совсем оглохли? Не слышите, что к вам командир роты обращается?!

Красноармейцы с явным недовольством стали собираться в колонну. Появившийся откуда-то старшина подошел к двум бойцам в белых маскировочных халатах и что-то сказал им. Подхватив оружие, бойцы трусцой побежали вперед. Калинин догадался, что Семен Владимирович послал вперед разведку.

Проводив разведчиков, старшина повернулся к роте. Он бросил быстрый, но строгий взгляд на колонну. И скомандовал:

– Шаго-ом арш!

Колонна красноармейцев двинулась вперед, в заснеженные Полюновские луга.

## Глава 4

Около половины второго дня рота вышла на проторенную дорогу. Старшина остановил солдат и подозвал командира первого взвода Ермолаева. Вместе они склонились над следами.

– А почему Ермолаев? – спросил Алексей политрука, привставая на цыпочки и пытаясь разглядеть, что делают старшина и командир первого взвода.

– Ермолаев коренной сибиряк, – ответил Зайнулов. – Охотник. Тридцать пять лет в тайге. Любой след прочесть может.

– Ого! – ответил Калинин.

Через некоторое время старшина с Ермолаевым вернулись.

– Очевидно, это немцы, о которых рассказывали старухи, – задумчиво поведал Семен Владимирович. – Прошли вчера. Много их. Кажется, больше нас. Что делать будем?

– Нужно идти за ними по этой дороге, – сказал Калинин. – К концу завтрашнего дня мы должны достичь высоты Черноскальная.

– Нехорошо всё это, – пробурчал старшина, но скомандовал роте продолжать движение.

– Что будем делать, если наткнемся на немцев? – спросил старшина Калинина, когда они тронулись в путь. – Вступим в бой? Или обойдем?

– Не знаю, – откровенно признался Алексей. – Если пойдем в обход, то, наверное, потеряем много времени. Да и в сугробах можем увязнуть. И не успеем выполнить приказ.

– А вступив в бой, мы рискуем потерять роту и тоже не выполним приказ, – ответил Семен Владимирович.

– Что предлагаете?

За старшину ответил Зайнулов:

– Будем идти, пока не обнаружим немцев. От боя по возможности нужно уклоняться, чтобы сохранить силы для атаки Черноскальной высоты. Приказ должен быть выполнен.

Старшина недовольно посмотрел на политрука, который встал на сторону лейтенанта, покачал головой и, ничего не сказав, вернулся к Ермолаеву.

Никто не знал, куда движется рота. Ну и ладно! На то и командиры, чтобы знать. Фрол Смерклый никогда не задумывался над тем, что ему приказывают. Сказано копать мерзлую землю, значит, надо копать, ничего не поделаешь. Сказано умереть, но держать оборону: держать Фрол будет, но вот чтобы умереть – хорошенько подумает. Когда опасность угрожала его собственной жизни, он пару раз, как говорится, делал ноги, покидая боевые позиции. Правда, однажды им не оставили выбора. Во время наступления немцев под Вязьмой за линией обороны полка посадили заградотряд. Смерклый слышал о них, но впервые столкнулся только там. Доблестные бойцы НКВД с пулеметами располагались в ста пятидесяти метрах позади окопов регулярных частей РККА. Тот, кто спасался бегством от немецкого огня, наткнулся на пули чекистов. Поэтому бежали мало. Оборону держали так стойко, как корни дерева вырастают в землю. Вот и отразили фашистский натиск.

Мозги Смерклого включались только в моменты смертельной опасности. А задумываться над приказами он не имел обыкновения. Раз есть приказ, значит, над ним уже кто-то подумал.

Он достал булочку с маком, которой его угостила старушка, съел половину, а остаток запасливо спрятал в рюкзак. После этой недолгой трапезы Смерклому неожиданно захотелось курить. И не обычной махорочки, а той немецкой сигары, которую он раздобыл в танке.

Фрол выудил из нагрудного кармана сигару и, вставив в рот, с громким причмокиванием долго раскуривал. Когда кончик стал похож на раскаленный уголек, дым попал в легкие, и крестьянин закашлялся. Сигара оказалась крепче любого забористого табака, а вкус был про-

сто неопишимо. Одно слово – аромат! Фрол расплылся в улыбке и топал по снегу, довольно попыхивая сигарой.

– Эй, браток, прикурить дай! – окликнули его сзади.

Смерклый даже не обернулся. Он не знал этого солдата и не хотел нового знакомства. Солдат догнал его и пошел рядом. Смерклый опустил голову, чтобы сигару не было видно. Но не заметить ее было трудно.

Рота подверглась реформированию после того, как по ней, словно утюгом, прошлись немецкие танки. Окликнувший крестьянина солдат раньше служил во втором взводе, а теперь оказался в первом, в одном отделении с Фролом.

– Дай-ка прикурить, браток, – повторил Приходько, поравнявшись со Смерклым. В зубах у него была самокрутка. – Меня Микола зовут. Спички что-то отсырели... Ой!

Смерклый убрал изо рта сигару, спрятав ее в руке.

– Ой, а что это ты куришь, браток? – спросил Приходько. – Никак палку какую?

– Ничего я не курю, – проворчал Смерклый. – И спичек у меня нету.

– Как же нету спичек, когда от тебя дым валит, словно от паровоза! – Приходько принюхался. – А запах от твоей палки какой приятный! Брось, покажи, что у тебя там!

Смерклый сунул сигару в рот.

– Ба! – поразился Приходько. – Так это ж сигара! Где нашел? Никак бабки в деревне тебе скрутили. Дай попробовать, уж больно запах хорош.

– Запах хорош, да не про твой грош, – ответил Смерклый.

– Не жмись! Она вон какая толстая! От одной затяжки не убудет.

– Сначала найди такую, а потом кури!

– Да ты только скажи где, – заговорщически прошептал Приходько. – Тотчас туда побегу.

– Поздно бежать. Да и нету там больше. Возле Ельцово у танка гусеницы сбило, а сам он целехонький остался. Я в тот танк вечером пробрался и нашел.

– Дождался, значит, пока все наши спать лягут?

– Ага.

– Чтобы не делиться?

– Ага.

Прижимистые люди всегда веселили Приходько. Он не упускал возможности вдоволь поиздеваться над ними.

– Это в какой же деревне таких умных растят? Вот бы мне там родиться!

– Деревня Устюгово Вологодской области. Но ты б там не родился, у нас болтливых нету.

– Чем же в вашей такой умной деревне занимаются? – не унимался Приходько. – Наверняка самолеты секретные разрабатывают.

До Смерклого начало доходить, что солдат подтрунивает над ним.

– Вот и видать, что не умный ты, – ответил он.

– Нам до вас – как до Луны! – произнес Приходько, состроив сиротливые глаза.

– Не знаешь, чем в деревне занимаются? – продолжил Фрол. – Хлеб растим, колхоз у нас.

– Сам-то небось тайком растишь?

– Почему?

– Небось прятал хлебушек, когда он стране был нужен?

– Что ты такое говоришь!

– А что ты заволновался? Значит, правда?

– А пошел ты!

Сладкий вкус сигары стал противен Смерклому. Слюной он затушил горящий кончик и убрал остаток в карман.

– А что там у тебя в вещмешке? – спросил глазастый Приходько.

– Вещи мои, – недовольно ответил Фрол. Напористый Приходько уже порядком надоел ему.

– Твои, значит. Тогда почему на твоей коробочке, которая из мешка выглядывает, немецкий крест нарисован? – Николай хмуро свел брови. – Ну-ка, признавайся: давно фрицем заделался?

– Ну чего ты кричишь на весь взвод, – шепотом стал оправдываться Смерклый. – Не моя она.

– Не твоя! Значит, надобно ее народной общественности предоставить! – И Приходько протянул руку, делая вид, что собирается взять коробку.

– Ну ты, хрен языкастый... Укороти руки! Не общественная это коробочка. А взята она из того же танка.

– Вот оно, значит, как! И что в ней?

– Консервы в банках. Продукты разные, – недовольно ответил Смерклый.

– Давай поделим между ребятами. Вот они порадуются! – предложил Николай.

– Сейчас! Разбежался! – Смерклый деловито поправил лямки вещмешка. – Я в тот танк лазил. Мое это. Никто не догадался, а я сообразил. Значит, никто, кроме меня, не имеет на это права!

– Получается, все вокруг несообразительные, отсталые?

– Все, а ты в особенности.

– Всё с тобой ясно, общественный альтруист, кулацкая твоя морда... – сказал Приходько, отворачиваясь.

– Как ты меня назвал?! – взвился Смерклый.

– Общественный альтруист.

– Неправда твоя! Ты меня кулацкой мордой назвал! – Оканье Смерклого сделалось сильным, почти невыносимым.

– Кулацкая морда – она и есть кулацкая морда, особенно если эта морда твоя! – с безразличным видом произнес Приходько.

Ярость ослепила Смерклого. Он готов был ударить Приходько, покалечить. Фрол повернулся к бойцу и увидел в его глазах бескрайнее изумление.

– Матерь Божья! – бормотал Николай, глядя куда-то вдаль. Смерклый проследил за взглядом солдата и, увидев это, крикнул от удивления. Их спор показался ему несущественным и пустым.

Старшина Семен Владимирович посмотрел вперед. Открывшаяся им панорама была чудесной и необычной, но старшина остался недоволен. Всё новое – плохо. И сулит неприятности.

Иван Ермолаев, командир первого взвода, много исходил сибирских лесов, повидал самые заповедные места в тайге, но чтобы такое...

Политрук Зайнулов вытер платком вспотевшую шею. «Как это могла сотворить природа? – подумал он. – Картина странная, необъяснимая и жуткая».

По рядам солдат пронесли удивленные возгласы:

– Что это?

– В жизни такого не видел!

Алексей Калинин поднял глаза. Если на свете бывают чудеса, то одно он видел сейчас перед собой.

Когда рота перевалила через небольшой холм, взору солдат открылся странный лес. Окутанные густыми ветвями гигантские стволы уходили в небеса. Прямые и мощные, они напоминали мачты кораблей. В самих деревьях не было ничего диковинного – ели, сосны, пихты – обычный хвойный лес. Вот только из-за своего размера они казались нереальными. От сугро-

бов до нижних ветвей, образующих плотный навес, был добрый десяток метров. Протоптанная дорога, по которой двигалась рота, уводила вглубь.

Колонна красноармейцев рассыпалась. Бойцы разбрелись по обе стороны от дороги, проваливались по пояс в сугробы только ради того, чтобы лучше разглядеть удивительный лес. Их изумлению не было предела.

– На твоём месте, я бы уточнил маршрут, лейтенант, – услышал Калинин хрипловатый голос старшины. Алексей поспешно достал из планшета карту. Некоторое время вникал в подробности, затем удивленно поднял глаза на Зайнулова.

– Тут нет никакого леса! – потрясенно произнес лейтенант.

– Этого не может быть, – сказал политрук, заглядывая в карту. – Вы, наверное, глянули не туда. Не могли мы сбиться с пути. Мы прошли деревню Потерянная... Вот она. Дальше протоптали километров восемь по Польшинским лугам...

– Так и есть, – кивнул старшина. – Мы движемся строго в указанном направлении, но лес на карте не обозначен.

– На месте этого леса должны находиться сплошные луга! – произнес Калинин, всё еще не оправившись от потрясения. – Но как же быть? Ведь нам отдан приказ – занять высоту Черноскальная, а она расположена как раз за лугами. Идти еще километров двадцать! Как это может быть?

– Возможно, ошибка на карте, – вздохнул политрук. – Такое случается. Картографы пользуются старыми данными, а за это время на лугу вырастает лес.

– Ты думаешь, Ахметыч, такой лес вымахал лет за десять-пятнадцать? – спросил Семен Владимирович. – Полагаешь, картографы не заметили этих великанов?.. И потом, если карта врет о местонахождении леса, то она может неправильно указывать и высоту. Думаю, мы забрели не в ту степь. Нужно вернуться в деревню и тщательно всё проанализировать. Идти по неверной карте – самоубийство.

– Если мы вернемся, время для захвата высоты будет упущено, – сказал Калинин.

– Послушай, Сказочник! – жестко произнес старшина. – Шутки кончились. В незнакомый лес, который не отмечен на карте, мы не сунемся!

Алексей был очень взволнован. Его голос срывался, но молодой лейтенант попытался найти нужные слова:

– Я командир роты. Здесь приказываю я. Мы выполним задание во что бы то ни стало!

– Ты свихнулся, парень! – Глаза старшины вспыхнули. – Я не дам тебе положить роту!

В гневе старшина хрипел сильнее, его кулаки сжимались, он готов был ринуться на Калинина и разорвать его. Скрытая в невысоком старшине энергия грозила выплеснуться и раздавить молодого лейтенанта. Калинина трясло от страха. У него не было ни воли, ни поставленного голоса, чтобы спорить со старшиной. Но на помощь пришел политрук.

– Семен, стой! – рассудительно произнес Зайнулов. – Мы уже договорились, что впереди пойдут разведчики. В случае опасности они нас предупредят. Нужно попытаться найти высоту. А вернувшись в деревню, мы в самом деле только время потеряем.

– Мы будем блуждать по лесу, словно слепые котятка, и не найдем эту треклятую высоту!

– Посмотрим, – ответил политрук.

Старшина больше ничего не сказал. Запал его исчез, это чувствовалось. Алексей облегченно вздохнул и мысленно поблагодарил мудрого Зайнулова.

## Глава 5

Серая колонна роты медленно приближалась к странному лесу. Гигантские стволы загородили небо исполинским забором и так опасно нависли над головами, что, казалось, вот-вот рухнут на крошечный отряд. Некоторые достигали в диаметре двух-трех метров. Изумлению солдат не было предела.

Около четырех часов вечера рота вошла в лес и сразу окунулась в полумрак, поскольку густые хвойные ветви слабо пропускали дневной свет. Калинин тут же осведомился, какие осветительные приборы имеются в роте. Оказалось, что несколько керосиновых ламп, для которых в повозке есть канистра керосина. Зайнулов заметил, что, пока светло, не стоит расходовать керосин. Политрук оказался прав. Постепенно глаза бойцов привыкли к полумраку.

Протопанная чужими сапогами дорога шла по лесной просеке. Решили двигаться по ней, пока возможно. По обеим сторонам высились сугробы такой высоты, что запросто могли скрыть лошадь Дуняшу вместе с повозкой и седоками. Деревья за пределами просеки придвинулись друг к другу и не пропускали солнечный свет. Так что путь был один.

– Чой-то жутковато тут! – сказал Николай Приходько. – Ума не приложу, чего фрицам делать в этом лесу?

Командиров, особенно старшину, по-прежнему тревожил тот факт, что рота идет по следу немцев, которые значительно превосходят их числом. И вопрос Николая Приходько не был праздным. Зачем немец забрел в этот странный лес? Куда немец движется? Где сейчас линия фронта и далеко ли высота Черноскальная? Поэтому разведчиков, которые соединились с ротой у опушки леса, старшина вновь отправил вперед.

Тяжелыми шагами давя рыхлый снег, Иван Ермолаев всё время оглядывался. Действительно, странный лес. Ветви у деревьев высокие. Между стволами земля укрыта сугробами, но не видно ни кустарника, ни подлеска. Последнее совсем загадочно. Судя по высоте, лес очень древний. Обычно сосне с обхватом ствола полтора метра лет пятьсот. Здешние стволы гораздо толще, а значит, и старше. С ветвей на землю обычно падают семена, которые, прорастая, образуют молодняк. За пятьсот лет их должно было столько нападать, что молодая поросль заполонила бы всё свободное пространство. Если только за лесом не следить и не вырубать побеги. Но лес не походил на чащу и состоял только из огромных, уходящих ввысь стволов.

– Если только за лесом не ухаживали, – вслух повторил Ермолаев.

– Что говоришь? – спросил старшина.

– Чистый какой-то лес, – сказал Ермолаев. – Ни зарослей, ни упавших стволов, ни молодняка.

– Ну и что, – произнес старшина. – Всё под снегом небось.

– Не дикий это лес. Мы словно в заповеднике.

– Слушай, Вань, тут на много километров вокруг одни луга. Ну кто будет ухаживать за лесом? Старухи из Потерянной? Им бы со своим хозяйством управиться.

Ермолаев промолчал в ответ. Не может быть настоящим такой лес еще по одной причине. Нормальная высота деревьев от двадцати до тридцати метров. Максимальная высота сосны – пятьдесят при диаметре ствола в один метр. Выше – не выдерживает корневая система, да и соки от почвы к вершине не доходят. Ну, не может быть лес таким огромным!

После получаса ходьбы сержант заметил еще одну странность, которая вначале не бросилась в глаза. На снегу он не обнаружил ни одного птичьего или звериного следа.

«Так не бывает!» – подумал Ермолаев.

Уныние. Полумрак. Глупый поход, из-за которого рота оказалась в странном лесу. Рыхлый снег под ногами. Вирский поправил винтовку на плече. Он чувствовал себя одиноким и

брошенным, несмотря на то что его окружали солдаты. Так было с момента контузии, когда рядом в окопе разорвался немецкий снаряд. Немного кружилась голова, но он не стал обращаться в медсанчасть. Чем ему помогут? Накормят пилюлями? Ему это не нужно.

Вирский надеялся, что рота останется на своих позициях и будет воевать дальше, а вместо этого они бредут по какому-то странному лесу. Ему хотелось убивать немцев, давить их, а не месить ногами осточертелый снег.

Он пытался говорить о своей нелегкой судьбе с однополчанами, но его никто не слушал. Глупые. Каждый может оказаться в таком положении. В штате роты состоял фельдшер, но Вирский сомневался, что он способен помочь. Болезнь Сергея была намного серьезнее, чем простая контузия.

Калинин шел рядом с Зайнуловым – пожалуй, единственным человеком в роте, с кем Алексей мог общаться без стеснения, кто выслушивал его и давал советы. Калинину нравился пожилой политрук. Ему нравились его разговоры с солдатами – убедительные, разумные, терпеливые, без лишних лозунгов. Кроме этого, Зайнулов великолепно разбирался в военных вопросах, бегло читал карту, знал оружие и, судя по отдельным высказываниям, был хорошо подготовлен тактически. Алексей внимательно смотрел на политрука и впитывал каждое слово, каждый жест. Учился, как вести себя, что говорить и когда следует промолчать. Как найти подход к солдатской душе...

Правда, Зайнулову было много лет, и пеший переход по заснеженной дороге давался ему непросто. Он то тяжело дышал, когда они долго шли без остановок, то вдруг начинал прихрамывать. Зайнулов пытался не показывать вида, что выдохся. Но пару раз Калинин обратил внимание на то, что старшина назначал пятиминутный привал, взглянув именно на политрука.

– Странный лес, – произнес Зайнулов. – В нем нет никаких звуков. Только скрип сапог по снегу и лязг нашего оружия.

– А какие должны быть звуки в лесу?

– Зимой их не так много, как летом, но они есть. Деревья скрипят, шумят ветви, дятел стучит по стволу, выковыривая затаившихся жуков. Эти звуки разносятся на километры... Уфф, – политрук судорожно вздохнул. Алексей подумал, что пора остановиться снова.

– Михаил Ахметович, можно спросить?

– Умный человек всегда задает вопросы. И только дураку всё известно.

«Да, это верно!» – усмехнувшись, подумал Алексей и вновь обратил внимание на шрам уголком над бровью политрука.

– Я служу не так давно, – начал он. – Но за время службы мне удалось пообщаться с несколькими политруками. Мне кажется, что их методы воспитательной работы серьезно отличаются от ваших.

Зайнулов искоса посмотрел на Алексея:

– Чем это, интересно?

– Нет, – стал оправдываться Калинин, – я не хочу сказать, что вы преуменьшаете значение роли партии и товарища Сталина в борьбе против фашистских захватчиков. Но вы... Я видел нескольких политруков, они держатся на расстоянии от солдат, говорят заученными фразами. Мои наставники на лейтенантских курсах учили, что это хорошие политработники. Но вы... Вы рядом с солдатами, говорите просто и совершенно о другом. И в то же время очень убедительно.

– Так это плохо или хорошо? – спросил Зайнулов, и Калинину показалось, что политрук не знает ответа. «Он сам хочет понять характер своего общения с солдатом», – подумал Алексей.

– Не знаю... – растерялся молодой лейтенант. – Просто... Я боюсь, что, если вы не будете говорить о роли партии, вас могут... Вы уже не будете политруком.

– Я особенно и не стремлюсь им остаться, – ответил Зайнулов просто.

– Но вы очень нужны солдатам! – Алексей сделал паузу. – И мне тоже. Вы обладаете огромным опытом, у вас отличная подготовка.

– Если бы у меня была отличная подготовка, старшине не пришлось бы останавливать роту каждые полчаса. Дыхания уже никакого... Гм... Но ты знаешь, Алексей, я действительно военный. Еще пять месяцев назад я командовал полком.

Алексей был изумлен до глубины души.

– Да, это так, – кивнул политрук.

Он посмотрел на густые кроны, перекрывающие небо.

– Скоро в лесу станет совсем темно.

Алексей некоторое время не решался задать следующий вопрос, но он вырвался сам собой:

– Почему вас сняли с должности командира полка?

– Я оставил полк.

– Зачем?

– Зачем? – переспросил политрук. – Я тоже себя об этом спрашиваю. Я не хотел, но так получилось.

– Они мне каждую ночь снятся, – рассказывал солдат из Пскова, мечтательно глядя перед собой. – Жена и девочки мои. Маша и Люба. Пишут, что живы, что всё хорошо у них, а меня всё равно тревога не покидает...

Ермолаев слушал солдата, попутно оглядывая лес и сугробы. На голове у него ладно сидела пышная лисья шапка – охотничий трофей, добытый и выделанный собственными руками. Ладони согревали варежки, подбитые заячьим мехом. Полушубок стандартный, военного покроя, но толстый кожаный пояс – свой, сибирский, охотничий. На поясе висел огромный нож для разделки звериных туш. Валенки у командира первого взвода тоже были особенными. Изготовленные сибирскими мастерами из шерсти овец только романовской породы, из-за чего получались мягкими, теплыми, не дающими усадки.

Иван лишь одним ухом слушал солдата, а сам не переставал думать о странности леса. Зоркий глаз охотника подмечал любое изменение в окружающей обстановке, будь то сбитая кора на стволе или крохотная ямка в сугробе.

– Дай мне керосиновую лампу, – попросил Ермолаев, внезапно остановившись.

– А они все смотрят на меня и повторяют: «Папа, папа...» – продолжал солдат. – Что ты сказал?

Ермолаев взял у него керосиновую лампу и подошел к сугробу на обочине дороги. Позади сержанта непрерывным потоком двигалась колонна. Присев на корточки, Иван зажег фитиль. Желтый огонек робко засветился в сумраке леса. Ермолаев выкрутил пламя на полную и занес лампу над сугробом. На снежной глади темнела небольшая ямка, которая постороннему человеку ни о чем не говорила.

– След, – выдохнул Ермолаев. – Наконец-то.

– Когда-то давным-давно, – начал рассказ Зайнулов, – так давно, что я уже сомневаюсь – происходило ли это на самом деле, у меня была дочь. В то время я служил в царской армии, наш кавалерийский полк был расквартирован под Санкт-Петербургом. Я был молодым офицером, у меня были молодая жена и дочь одиннадцати лет...

Калинин внезапно увидел, что политруку трудно говорить. Лицо оставалось невозмутимым, но Михаил Ахметович иногда делал неожиданные паузы в рассказе, словно невидимые слезы душили его.

– Однажды мы поссорились с дочерью. Ничего серьезного, я сделал замечание, она не послушалась и стала пререкаться. Я отчитал ее, и она обиделась. До сих пор жалею о случившемся и корю себя, хотя тогда считал свое поведение как родителя правильным. Я сам рос в семье офицера, и меня держали в строгости... Как рассказывали соседи, дочь убежала к реке. Не знаю, что творилось в ее маленькой головке. Может, это и не связано с нашей ссорой. Но с реки она не вернулась...

Алексей почувствовал себя неуютно, слушая исповедь политрука. Он пожалел, что завел этот разговор.

– Ее так и не нашли. Говорили, что в реке есть несколько водоворотов и что ее затянуло в один из них. Это могла быть случайность, нелепая смерть. Девочка не собиралась кидаться в омут, ей просто не повезло. Но меня терзает мысль, что она покончила жизнь самоубийством. Кинулась в речку из-за ссоры со мной. Я не мог с этим смириться, вспоминая, как мы расстались. Хотелось помнить ее радостной, смеющейся, но вместо этого в памяти всплывало заплаканное личико, твердящее что-то наперекор. Жена не вынесла трагедии и сошла с ума. Через несколько лет началась Первая мировая. Я искал смерти, бросался в самое пекло. Но вместо гибели за безрассудное геройство продвинулся по службе... Впрочем, это только предыстория.

Пятого октября сорок первого года наш полк в составе тридцать второй армии Резервного фронта попал в окружение под Вязьмой. Тогда танки Гудериана рвались к Москве. Мы остались без связи и не знали обстановку в других полках. Когда стало понятно, что мы в «котле», я принял решение прорываться из окружения. Двое суток полк пробивался сквозь войска противника, безжалостно уничтожая немцев и неся серьезные потери. Вечером седьмого октября остатки полка вышли из окружения в районе города Юхнова. На утро восьмого мы оказались на полустанке Оболенское возле Малоярославца. Солдаты были голодны и измотаны, многие ранены. Мы не имели представления о том, занят ли Малоярославец. Вокруг ни души. Только ветер завывал среди опустевших домов, да гортанно каркали вороны. Существовала серьезная опасность, что, войдя в город, мы попадем в лапы к немцам. Поэтому решили остановиться на полустанке, перевести дух, собраться с мыслями.

То, что произошло дальше, коренным образом изменило мою судьбу военного командира. Обойди мы этот полустанок стороной – и я бы по-прежнему командовал полком. Хотя я уже стар, чтобы воевать и нести бремя ответственности за солдат... Так вот, пока солдаты отдыхали, я решил пройтись по полустанку, чтобы обдумать дальнейшие действия. Мне всегда лучше думается, когда я прогуливаюсь. Сам не заметил, как отошел от солдат на приличное расстояние. Внезапно со стороны города послышался нарастающий гул двигателя. Я поднял глаза и увидел на дороге приближающийся черный автомобиль.

След был плохим. Промерзший снег, словно сухой песок, осыпался со стенок и стер контур лапы. Кроме того, след был очень старым, Ермолаев даже не мог предположить, когда прошел зверь. В густом хвойном лесу, куда почти не проникает солнце и поверхность сугробов не затвердевает, трудно определить давность следа. Из-за сыпучести снега общий вид следа зависел исключительно от того, как глубоко провалилась нога в снежную толщу. Если в сугробе не попадется корка, образовавшаяся от старых оттепелей, по следу ничего нельзя будет определить.

Зверь провалился глубоко. Об этом можно судить по широкой выволоке – полосе, показывающей, как зверь вытаскивал лапу из сугроба. Плохо, что снег насыпался с крон деревьев и закрыл и след и выволоку.

– Здорово ты, Иван, умеешь следы читать! – позавидовал солдат, рассказ о сне которого Ермолаев выслушивал на протяжении последнего получаса пути. – Вот бы мне так научиться!

– Подержи-ка фонарь, – попросил сержант. Солдат принял керосиновую лампу.

– К этому нельзя относиться абы как, – ответил командир взвода, не прекращая исследования. – Вроде того: научусь и буду знать! К этому нужно относиться основательно.

– Я готов, – с сомнительной серьезностью произнес красноармеец.

– В походных условиях чтению следов не научишься. Занятия нужно проводить в одном месте и в течение нескольких дней кряду.

– Как это?

След большой и незнакомый. Иван, конечно, сомневался, что не знает какого-то зверя в средней полосе России. Просто снежная крупа почти засыпала след...

– Как это? – повторил солдат.

– Что? – отвлекся от своих мыслей Ермолаев.

– Почему нужно в одном месте изучать следы? – не унимался боец.

– Слушай, отстань!

Ермолаев снял рукавицу и медленно погрузил руку в сугроб рядом со следом.

– Вот, хотя бы что ты сейчас делаешь? Ты можешь объяснить?

– Нет, – отрезал Иван. Он что-то нащупал под снегом. – Есть!

– Что есть?

– Спекшийся давнишний снег. Корка. Значит, зверь проткнул лапой верхний слой и оставил след на этой корке.

– Ты хочешь раскопать след?

– Нужно аккуратно снять верхний слой и добраться до корки. Снег сыпучий. След на нем остается плохой, но вот удаляется он очень даже хорошо.

Ермолаев принялся саперной лопаткой бережно снимать белые рыхлые пласты.

– И всё-таки, как научиться читать следы?

– Нужно обладать острым зрением, хорошим обонянием. Нужно знать снег, знать, как ложатся на него тени, какими цветами солнце играет на отпечатке. Тут сотни тонкостей. Очень много основано на интуиции. Чтобы научиться читать следы, нужно написать что-нибудь на сугробе и сидеть возле него, ждать несколько дней. Нужно следить за погодой и смотреть, как она влияет на твою надпись. Как буквы теряют четкость, как размываются, как играют на солнце, как покрываются порошей...

Он убрал лопатку и с превеликой осторожностью стал разгребать снег голыми руками.

– Сейчас тебе не научиться. Нужно каждый день наблюдать. Требуется постоянная практика. И она должна быть непрерывной. Перерыв ослабляет восприятие многих деталей, и тонкости могут остаться незамеченными.

– Но ведь ты сам давно воюешь, а значит, мог позабыть тонкости.

– У меня опыт большой – хрен позабудешь.

Ермолаев низко склонился над сугробом и, набрав в легкие воздуха, резко и сильно дунул. Снежинки закружились в свете фонаря. След открылся. Иван очень внимательно стал вглядываться в него.

– Проклятие! – наконец произнес он. – Надо командиру доложить.

– Я не знал – наша это машина или немецкая, – продолжал свой рассказ Зайнулов. – Но по поведению шофера, а он решительно направил автомобиль в мою сторону, я понял, что наша.

Она остановилась неподалеку, из салона выскочил статный улыбчивый офицер. Внутри сидел еще кто-то, но я не мог разобрать, кто. Офицер отдал мне честь, назвал себя капитаном Соболевым и, более ничего не говоря, открыл заднюю дверцу автомобиля. Военный, появившийся оттуда, был невысокого роста, крепкий, с решительным лицом и волевым взглядом. От количества звезд в петлицах я чуть не ослеп, хотя я на своем веку генералов повидал и в царской армии, и в Красной.

– Я ищу штаб Резервного фронта! – резко произнес высокопоставленный генерал.

– Штаб находился где-то под Малоярославцем, – ответил я.

– Что там за солдаты на полустанке?

– Это мой полк тридцать второй армии Резервного фронта, товарищ генерал армии, – ответил я.

– Что вы несете! – возмутился он. – Тридцать вторая армия находится в окружении под Вязьмой!

– Так и есть, – ответил я. – Но нашему полку удалось вырваться из окружения.

Он поверил, тем более что даже на расстоянии были видны белые повязки раненых солдат. Выражение лица у генерала смягчилось.

– Много же километров вы прошагали от Вязьмы, полковник, – сказал он.

– Двое суток без отдыха, товарищ генерал армии.

– Сильны немцы под Вязьмой?

– Сильны. Танков много. Пехоты тоже.

– Кто-нибудь еще прорывается из окружения?

– Я не знаю... У меня нет связи, нет свежих карт... Но немец повсюду, вплоть до Юхнова.

– Юхнов занят?

– Этого я тоже не могу сказать. Мы прошли мимо.

О чем-то задумавшись, генерал стал рассматривать верхушки деревьев вдали. Его внешность показалась мне знакомой. Но я так и не вспомнил тогда, где мог с ним встречаться.

Дальнейшие события развивались стремительно. Хотя полк понес серьезные потери, солдат в нем осталось достаточно. Мои ребята ничего не успели сделать из-за того, что всё случилось слишком быстро. К тому же они остались далеко и не подоспели на помощь.

Из-за огромного склада, возле которого остановилась машина генерала, вылетели пять или шесть немецких мотоциклов. Пулеметы на колясках опущены в боевое положение, немцы как будто знали, что их ждет за поворотом.

Ударил очередь. Капитан Соболев, телохранитель, кинулся закрыть генерала, но было поздно.

Очередь прошла по диагонали. Пара пуль врезалась в полустанок рядом с моими ногами и, срикошетив, ушла в направлении железнодорожных путей. Следующая пара отскочила от бронированной двери автомобиля. Третья прошла тело генерала, отбросив его на капот.

Капитан открыл огонь из табельного «ТТ». Блестящего такого. Я подхватил падающего генерала и повалился вместе с ним на заднее сиденье автомобиля. На запахнутом генеральском пальто темнели два отверстия. Глаза неподвижно уставились в потолок салона, но губы двигались. Генерал был еще жив.

Тем временем капитан застрелил водителя переднего мотоцикла, и тот перевернулся вместе с коляской, перегородив дорогу остальным и на время задержав их. Водитель генеральского «ГАЗ-61» завел двигатель. Капитан запрыгнул в салон. Водитель надавил на газ, и автомобиль рванул по дороге на Малоярославец. Немцы преследовали нас, сколько могли, но у генерала была хорошая машина. И они отстали.

Генерал тяжело кашлял, иногда отхаркивая сгустки крови.

– Кажется, задето легкое, – определил я, затыкая юсовым платком пулевые отверстия. Одна пуля угодила в живот, вторая пробила грудь, и именно она повредила легкое. – Его нужно срочно доставить в какой-нибудь госпиталь Малоярославца.

– Когда мы проезжали город, улицы были пусты, – ответил капитан. – Там помощи не найти! Его необходимо доставить в Москву, в госпиталь. Только там смогут реально помочь...

На этом месте политрук замолчал и поглядел вперед.

«Почему он начал рассказ с гибели дочери?» – подумал Калинин и собрался задать этот вопрос вслух, как увидел, куда смотрит Зайнулов. Навстречу бежали разведчики, ранее послан-

ные в авангард старшиной. Алексей не сразу заметил их, потому что белые маскировочные халаты сливались с окружающими сугробами.

– Товарищ лейтенант, разрешите обратиться! – раздалось из-за спины.

Алексей повернул голову и увидел догнавшего их Ермолаева.

– Товарищ лейтенант, мне нужно вам срочно кое-что сообщить!

– Ваня, погоди. – Зайнулов взял сибиряка за руку. Тот послушно замолчал. Разведчики приблизились к ним вплотную.

– Рота, стой! Отдых десять минут, – скомандовал старшина и подошел к командирам.

Один из разведчиков, матерый солдат со шрамом на угловатом подбородке, приложил руку к виску, обращаясь к Зайнулову:

– Товарищ политрук, разрешите доложить... – Зайнулов резко оборвал его. Алексей не видел еще политрука таким рассерженным.

– Ты что, ротного перед собой не видишь?! – гневно спросил он. Разведчик потупился. – Доложи лейтенанту!

– Есть! Товарищ лейтенант, разрешите обратиться!

– Слушаю, – сказал Калинин.

– Там впереди... – Было очевидно, что разведчику трудно описать словами увиденное. – Там следы от фашистов. Не знаю, как это объяснить. Фашисты словно сошли с ума. Вам лучше посмотреть своими глазами.

Калинин растерянно взглянул на Зайнулова, словно прося о помощи. Старенький политрук помедлил лишь мгновение:

– Семен, остаешься в роте. Мы с Алексеем Витальевичем пойдем с разведчиками.

## Глава 6

В это время года солнце садится около шести часов вечера. В лесу стемнело в пять. Солдаты расположились прямо на дороге, здесь же развели костры. По мере того как разгорались поленья, сумрак рассеивался, пляшущие огненные языки озаряли лица солдат. Семен Владимирович подумал, что сегодня продолжать движение бессмысленно. Нужно остаться здесь на ночь.

Старшина прошел мимо костра, возле которого среди других бойцов расположился Фрол Смерклый.

Крестьянин достал свою коробочку с сухим пайком немецкого танкиста, открыл ее и долго выбирал, что ему попробовать из вражеской снеди. Рыбные консервы? Или сосиски? Хватит ли времени привала, чтобы вдоволь насладиться трофейными яствами?

Солдаты вокруг костра пихали друг дружку локтями, показывая на Фрола пальцами. Иногда кто-то из бойцов бросал колкость в его адрес, но Смерклый не обращал внимания. Никто уже не мог обидеть его, назвав жадным или единоличником, кроме...

– А вот и наш шибко умный крестьянин из деревни Жадюгово!

...кроме Приходько.

Фрол специально следил за Николаем после того, как старшина объявил привал. Когда Приходько расположился возле костра и начал заливать солдатам очередную байку, Смерклый устроился в противоположном конце лагеря, присев под тонкой березкой, неизвестно откуда взявшейся в этом лесу.

И всё-таки Приходько добрался до него! Фрол решил прибегнуть к простейшей тактике – не обращать внимания на выпады Николая. Но сделать это было нелегко.

– Сколько у тебя продуктов в этой коробочке! – воскликнул украинец, усаживаясь рядом, почти плечом к плечу. В руках он держал махорку и кусок газетной бумаги. – Не может один человек съесть столько!

– Я съем, – пробурчал Смерклый, делая вид, что перебирает продукты, а на самом деле тянул время. Он всё еще надеялся, что Приходько уйдет.

Николай некоторое время пристально смотрел на крестьянина. Пальцы его автоматически сворачивали самокрутку.

– Знаешь, что? – наконец сказал он, прищелкнув языком и вздохнув. – Я думаю, тебе орден дадут.

– Это за что? – подозрительно спросил Фрол.

– И в газете о тебе пропечатают, – продолжал Николай.

– За что это?

– А напечатают примерно следующее: «Рядовой Смерклый в смертельном бою беспощадно расправился с ненавистными продуктами немецко-фашистских захватчиков. Стоя насмерть, когда силы были неравны, Смерклый с ненавистью, достойной подражания, подмял рыбные консервы с нацистским орлом на банке, баварские сосиски с отвратительным ароматным запахом, уничтожил за один присест бутылку гнусного шнапса и...» Что еще там у тебя есть? – Слушая это, красноармейцы вокруг костра так дружно смеялись, что от их хохота, казалось, раскачивались деревья-великаны.

– «Мужественный солдат, – не унимался Приходько, – с острой болью в животе, рвотой и поносом был доставлен в госпиталь. Героя ждет промывание желудка и глубокая-глубокая клизма».

Солдаты надрывались от хохота. Кто-то даже опрокинулся на спину, держась за живот. Фрол не знал, куда деваться от стыда.

– Блудни вы! – воскликнул он с обидой, снова начиная сильно окать. – Вам бы только поржать, как лошадям! Но я знаю, почему вы так надо мной глумитесь!

– Интересно, почему? – спросил Николай. – Дозволь нашей серости ваши благородные мысли прослушать.

– Завидно вам до смерти! – изрек Смерклый. – Зависть свою вы за смехом прячете.

– Ни в жизнь не стану жмоту завидовать! – внезапно посерьезнев, произнес Приходько. – Пусть у тебя целый грузовик немецких продуктов будет – ни за что не позавидую!

– Был бы у тебя такой грузовик – глянул бы я на тебя! – сказал Смерклый.

Николай сделался еще серьезнее. Его глаза пристально смотрели на крестьянина. Солдаты вокруг затихли.

– Был бы у меня грузовик с продуктами, – сказал Приходько, – я бы раздал его солдатам.

– Врешь ты!

– И знаешь почему? Потому что радоваться будут ребята, когда получат продукты, а от радости ихней и у меня на душе станет светлей!

– Врешь! – зло произнес Смерклый.

Строгость исчезла с лица Приходько, сменившись хитрым лисьим выражением.

– Да плевал я на твои продукты. Ешь-давьсь. Я по другому поводу пришел. Сказочник-то, лейтенант наш, то ли от незнания, то ли по доброте душевной всем желающим спирт раздает! Я сходил, взял. – В подтверждение своих слов Приходько потряс в воздухе флягой, в которой что-то булькнуло. – Но скорее всего он не знает, что этот спирт командирам взводов раздавать нужно. Так подходят все кому не лень. Видать, скоро закончится, спиртик-то!

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.